

Заключение и расторжение брака в современной России: микроэкономический анализ

С.Ю. РОЩИН, Я.М. РОЩИНА

В статье рассматривается экономический подход к анализу заключения и расторжения брака. На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за 1995–2003 гг. проводится эмпирический микроанализ экономических, социальных и демографических факторов, влияющих на вероятность вступления в брак и его расторжения. Изучаются взаимосвязи между характеристиками супругов, недавно вступивших в брак: национальность, вероисповедание, доходы и т. д. Проверяются предположения о взаимодополняемости и взаимозаменяемости различных характеристик супругов¹.

Как отмечают демографы, нынешняя демографическая ситуация в развитой части мира характеризуется не только низкой рождаемостью (ниже уровня простого воспроизводства), но и изменением брачного поведения [Иванов 2002]. В частности, наблюдается повышение возраста вступления в брак, рост числа разводов, необязательность совместного проживания супругов, равно как и регистрации пар, живущих вместе, увеличение доли детей, рожденных вне зарегистрированного союза. Россия в 1990-е годы также перешла на новые модели брака. Так, общий коэффициент брачности на 1000 жителей в 2000 г. составил 6,2 по сравнению с 8,9 в 1990 г. и 12,5 в 1960 г. [Демоскоп Weekly (а)]. Средний возраст женщин при вступлении в первый брак в России увеличился с 21,9 лет в 1991 г. до 23 лет в 2002 г. (хотя в 1960 г. он был равен 24,7 [Демоскоп Weekly (б)]). Общий коэффициент разводимости на 1000 жителей составил в 2003 г. 5,53 по сравнению с 3,79 в 1990 г. [Демоскоп Weekly (в)]. Увеличилось также число незарегистрированных союзов (а также детей, рожденных в таких союзах).

Механизмы заключения брачных союзов и их распада, помимо демографов, интересуют социологов, психологов, экономистов. Этот интерес касается причин вступления в брак и моделей поиска партнера, определения возраста создания семьи, факторов стабильности брака. Помимо исследовательского интереса, некоторые из этих вопросов становятся актуальными и в свете необходимости выработки мер социальной политики, направленных на стабильность семьи и рождение детей. Изменение брачного поведения ставит вопрос не только об исследовании этих процессов на макроуровне, с точки зрения классификации различных

¹ Часть статьи, посвященная проблемам вступления в брак, была опубликована в работе [Рощина, Рощин 2006].

типов браков, оценки тенденций брачности, влияния страновых и национальных макропоказателей на изменения уровня брачности, но и об исследовании на микроуровне, о необходимости выявления на индивидуальном уровне детерминант вступления (или невступления) в брак, детерминант выбора партнера по браку.

Микроанализ брачного поведения, процессов брачности имеет более короткую историю по сравнению с макроанализом. Главная проблема, ограничивающая подобные исследования, это наличие микроданных, которые позволили бы провести соответствующий анализ. Поскольку процесс заключения и расторжения брака можно отследить только в динамике, при изменении брачного статуса индивидов, то для его изучения необходимы панельные данные. Начиная с 1970-х годов проведено множество эмпирических исследований в западных странах, но для России таких исследований пока не проводилось. Для микроанализа процессов брачности в России мы используем единственную панельную базу данных о российских домохозяйствах – Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ).

В рамках микроанализа процессы брачности обычно рассматриваются как поведение людей на «брачном рынке». Традиция такого подхода восходит к экономическим исследованиям и активно развивается в современной экономике населения. Одной из особенностей экономического подхода является применение общих идей о принципах человеческого поведения при принятии экономических решений (максимизация благосостояния или полезности при ограниченных ресурсах) к заключению брака, результатом чего стало появление концепции «брачного рынка» [Беккер 2003, с. 382–409], под которым понимается пространство потенциальных партнеров – мужчин, с одной стороны, и женщин – с другой, между которыми должно установиться соответствие (т. е. брак). На этом пространстве происходит поиск контрагентов (будущих супругов), определяются формы контракта (брака) и его продолжительность. При таком подходе экономические параметры потенциальных супругов (доход, статус занятости, профессиональные позиции и т. д.), их социальные, физические, демографические характеристики, которые могут повлиять на полезность партнеров при заключении брака и в семейной жизни, рассматриваются как детерминанты выбора партнера и заключения брака.

Таким образом, целью данной статьи является эмпирический микроанализ процессов брачности в России, тестирование основных теоретических предположений о факторах выбора брачного партнера, вступления в брак и расторжения брака.

Для этого решается несколько задач:

на основе эмпирических данных РМЭЗ проводится анализ тенденций брачности;

среди пар, вступивших в брак, исследуются характеристики брачных партнеров, их сходства и различия;

проводится эконометрический анализ вероятности вступления в брак и расторжения брака в краткосрочном периоде (в следующем году);

проводится эконометрический анализ факторов, определяющих возраст вступления в брак;

проводится эмпирический анализ факторов, влияющих на расторжение брака.

Мы будем исследовать изменения брачного статуса только в краткосрочном периоде, в течение ближайшего года. Выделение такого временного интервала основывается на методологическом подходе, предполагающем, что характеристики индивида оказывают влияние на его намерения и возможности в краткосрочном периоде. Годовой интервал достаточен для того, чтобы, с одной стороны, вступить в брак после выбора подходящего партнера, с другой стороны, мы предполагаем, что за это время изменения в социально-демографических и экономических характеристиках индивида не оказывают существенного влияния на изменение его брачных намерений и возможностей.

Теоретические концепции выбора партнера, вступления в брак и расторжения брака

Исследователи из достаточно разных отраслей знаний — экономисты, социологи, психологи — разработали многочисленные теории, объясняющие брачный выбор различными факторами и причинами. Эти исследования часто объединяются под названием «mate selection». Отметим также историко-антропологический подход, рассматривающий особенности брачного поведения в ретроспективе [Зидер 1997; Голод 1998].

Обзор психологических и социологических теорий добрачных отношений, в том числе выбора партнера, был сделан И. Соловьевой [Соловьева 2003]. Она отмечает, что психологические теории брачного выбора (теория родительского влияния и теория личностных потребностей) утверждают, что выбор будущего супруга зависит от эмоционального опыта индивида, бессознательных стимулов, потребности в выборе спутника жизни. Теория родительского влияния, разработанная Лидзом [Lidz 1960] и Комминсом [Commins 1932], а также их предшественниками Фрейдом [Freud 1923] и Юнгом [Jung 1953; Юнг 1997], основана на предположении о том, что критерии выбора брачного партнера закладываются в детском возрасте на основе наблюдений за отношениями родителей, а затем в процессе выбора преобладают бессознательные мотивы. При этом предполагается, что люди предпочитают выбирать себе в супруги тех, чьи психологические особенности противоположны и комплементарны их собственным. В теории личных потребностей Винча [Winch 1955] противопоставляются две тенденции: потребность в противоположности и потребность в сходстве. Теория фильтра Kerckhoff и Davis [Kerckhoff, Davis 1962] обосновывает существование трех уровней выбора супруга. Первый уровень — начальный поиск однородных культурных переменных, таких как раса, возраст, социальный статус; второй — поиск однородных ценностей; третий — поиск совместимых потребностей. Трехфазная теория выбора супруга — «стимул — ценность — роль» Мурштейна [Murstein 1970], а также теория Дж. Хоманса [Хоманс 1984] основываются на концепции социального обмена.

Основы экономической концепции объяснения выбора партнера на брачном рынке были заложены Г. Беккером [Беккер 2003, с. 382–409], который опирался на «новую» функциональную теорию семьи и домашнего производства. С экономической точки зрения брак (а также любые другие формы союза в рамках одного до-

мохозяйства) представляет собой партнерство с целью совместного производства и потребления. Кроме того, брак выполняет и другие важные функции [Weiss 1997]:

- разделение труда с целью использования совместных выгод или повышения производительности (например, один партнер работает на рынке труда, а другой – дома);
- расширенный кредит и координация инвестиционных активов (например, один из партнеров работает, тогда как другой – учится);
- распределение коллективных несопернических благ (например, оба партнера получают радость от наличия общего ребенка и живут в одной квартире);
- объединение рисков (например, один партнер безработный, а другой – работает).

Решение о вступлении или невступлении в брак с данным партнером принимается индивидом на основе максимизации своей функции полезности как суммы потребляемых благ, которые включают количество и качество детей, престиж, отдых, дружбу, любовь и здоровье, при бюджетных ограничениях на количество времени, и суммарные доходы от занятости и собственности. Когда люди вступают в брак, значение их общей функции полезности должно быть выше, чем сумма индивидуальных функций полезности от потребляемых благ. Это возможно, так как люди приобретают в браке детей, радость общения, экономические преимущества и т. д., т. е. блага, которые нельзя купить на рынке. Люди получают выигрыш от брака также потому, что время, затрачиваемое мужем и женой на производство благ (в том числе детей и любви), не взаимозаменяемо. Это касается и разделения труда между домом и рынком – партнер с более высокой заработной платой больше времени тратит на рынке труда, а с более низкой – в домашнем хозяйстве. Существует также эффект экономии от масштаба, однако эта выгода касается не только супругов, а любых членов домохозяйства (т. е. любых людей, живущих вместе, необязательно супругов).

Чем выше разница между издержками и выгодой, тем больше «чистая» выгода от брака. На «чистую» выгоду от брака и на «склонность к браку» влияют следующие параметры [Becker 1974a]:

- выгоды от брака тем выше, чем более «дополняют» супруги друг друга в домохозяйстве (если они являются совершенными заменителями по отношению друг к другу на рынке труда и в домашнем хозяйстве, выгоды от брака низки, так как связаны только с экономией от масштаба);
- сокращение разницы между заработными платами мужчины и женщины снижает склонность к браку, так как если эта разница велика, то выше выгода от взаимозаменяемости супругов на рынке труда и в домашнем хозяйстве;
- чем выше для человека ценность детей и их количества, тем выше выгода от брака, тем больше склонность к браку, и наоборот, чем меньше желаемое количество и качество детей, тем меньше склонность к браку;
- чем выше нетрудовой доход (в частности, доходы от собственности), тем выше выгода от брака (и следовательно, склонность к браку); это связано с тем, что люди в домохозяйстве объединяют большие ресурсы и получают более высокую выгоду;

рост ставки заработной платы, вероятно, также повышает склонность к браку, однако здесь имеет место противоположная тенденция вследствие возрастающей оценки затрат на поиск (так как цена времени индивида также повышается параллельно с ростом заработной платы);

чем выше такие «нерыночные» качества, как красота, интеллект, здоровье и т. д., тем выше склонность к браку, так как эти качества повышают нерыночную производительность и рыночные качества;

рост издержек на заключение брака (в частности, на поиск партнера вследствие узости доступных вариантов в связи с высокими требованиями или из-за возраста; вследствие институциональных факторов — трудностей развода, необходимости приданого и т. д.) снижает склонность к браку.

Поскольку существует некоторое количество мужчин и женщин, желающих вступить в брак, возникает ситуация задачи поиска наиболее «эффективной» комбинации «свободных» мужчин и женщин. Пара будет тем «эффективнее», чем большую выгоду супруги получают от вступления в брак. Так как для каждого человека всегда существует некоторое количество потенциальных партнеров, возникает ситуация «соперничества» (или конкуренции), что позволило Беккеру охарактеризовать ее как «брачный рынок», т. е. поиск наилучшего партнера (с точки зрения выгод от брака) с учетом рыночных ограничений [Becker 1974a, p. 300].

Общий подход к поиску равновесия на рынке позволил Беккеру, так же как и Шепли и Шубику [Becker 1974b; Shapley, Shubik 1972], сформулировать эту задачу для брачного рынка как классическую задачу линейного программирования о распределении (аналогично, например, задаче наилучшего распределения n работников по n рабочим местам). Формулировка такой задачи дает возможность рассмотрения также двойственных переменных, которые в этом случае могут интерпретироваться как «теневые цены» партнеров на рынке. Предположение Беккера о равновесии брачного рынка, т. е. о такой комбинации пар, при которой достигается максимальный суммарный выигрыш от всех браков, показало, что решение зависит от всей совокупности возможностей, а не от оценки отдельного союза. Тем не менее это утверждение является теоремой, доказываемой Беккером, а не поведенческой предпосылкой: каждый человек заботится только о собственном благосостоянии, однако механизм конкуренции приводит к образованию наилучшей для общества комбинации пар. Это положение также позволило Беккеру сформулировать теоремы относительно выбора мужчин и женщин высокого и низкого качества по определенному набору параметров. Предполагается, что по каждому параметру мужчин и женщин можно сравнить друг с другом, при этом мужчины и женщины более высокого качества:

1) вступают в брак с себе подобными, а не подбирают партнеров более низкого качества, тогда, когда эти качества взаимодополняющие (образование, раса и т. д.): женщина высокого качества повышает производительность мужчины высокого качества и наоборот (выбор по сходству является оптимальным, когда признаки взаимодополняющие);

2) вступают в брак с противоположными по качеству партнерами, т. е. выбор по различию оптимален, когда признаки взаимозаменяющие (заработная плата), так как партнеры высокого качества в первом случае усиливают, а во втором — компенсируют друг друга.

Предпочтения (вкусы) супругов скорее должны быть похожи, так как это дает снижение издержек благодаря сходству структуры потребления.

В экономической теории существует подход к брачному выбору, который объясняет принятие решения с точки зрения жизненного цикла: в каком возрасте вступать в брак, сколько времени оставаться в браке (разводиться ли и когда), вступать ли в повторный брак после развода или вдовства и сколько состоять в этом повторном браке. Наличие возможности развода способствует более быстрому, но не менее тщательному поиску, так как ошибку можно исправить. Поиск продолжается тем дольше, чем выше ожидаемая выгода от дополнительного поиска. Так как выгода тем больше, чем выше ожидаемая длительность брака, выбор и поиск могут быть тщательными и продолжительными, если ожидается длительный брак. При трудностях развода выбор также осуществляется более тщательно. Поиск продолжается дольше, если партнеры на рынке «разнообразнее», так как расширение выборки означает, что потенциальная выгода может быть больше. При прочих равных условиях в динамичном, мобильном и диверсифицированном обществе браки будут совершаться позже (т. е. поиск будет продолжаться дольше). Люди женятся раньше, если они удачливы в поиске и если они пессимистично настроены относительно своих возможностей хорошего выбора. Поздние браки — для оптимистичных и неудачливых.

Неоинституциональная экономика также рассматривает брак как экономическое решение. Например, Р. Поллак [Поллак 1994] сравнивает брак с контрактом, базирующимся на предпосылке, согласно которой индивиды стремятся создать долгосрочные семейные отношения для стабильной жизни и воспитания детей.

Среди эмпирических исследований брачного поведения следует отметить работы Шоуена и Вулдреджа [Schoen, Wooldredge 1989]; Мортенсена [Mortensen 1988]; Калминова [Kalminov 1995]; Фу и Голдмана [Fu, Goldman 1996]; Булье и Розенцвейга [Boulier, Rosenzweig 1984]. В частности, было выявлено влияние таких факторов, как возраст, раса, образовательный уровень, профессия, здоровье, вредные привычки. Среди российских исследователей отметим работы Арутюняна, Дробижевой и Сусоколова [Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1999], Горшкова и Тихоновой [Горшков, Тихонова 2002].

Эмпирическая модель вероятности вступления в брак может быть сформулирована как:

$$D_i = b_i X + \varepsilon_i,$$

где $D_i = 1$, если индивид вступил в брак через время n (например, через год), и $D_i = 0$, если остался холостым (не замужем). X — вектор характеристик индивида (детерминант), b_i — коэффициенты модели. Влияющие переменные (детерминанты) модели — это пол, возраст, образование, доходы и заработная плата, национальность, здоровье, внешние данные, «оптимизм», ценности (например, значение детей и т. д.).

Источником разводов служит падение полезности совместной жизни, когда выгода от раздельной жизни становится больше, чем издержки от развода. Основные гипотезы, выдвинутые Г. Беккером [Becker 1977] на основе экономической теории разводов, таковы:

Более высокое значение параметров (доходы для мужчин, красота для женщин) снижает вероятность развода (так как выше ожидаемая выгода от брака), но повышает вероятность повторного брака в случае развода.

Значительное расхождение между ожидаемым и реальным значением параметров повышает риск развода.

Повышение уровня образования имеет неоднозначный эффект, поскольку высокий уровень образования сокращает разделение труда между партнерами, хотя и повышает выгоду от каждого уже данного разделения труда.

Рост возраста заключения брака снижает вероятность развода, особенно в молодом возрасте. В молодости люди еще плохо знают себя, свои требования, других людей. Но в старших возрастных группах с увеличением возраста вступления в брак вероятность разводов может опять повышаться (U-образная форма зависимости).

Рост специфического семейного капитала (в том числе наличие детей) снижает вероятность развода.

Близость ряда черт супругов (образование, раса и т. д.) снижает вероятность разводов.

Длительность брака снижает вероятность развода за счет роста семейного капитала (но возможна и квадратичная перевернутая U-образная форма).

Длительность периода перед вступлением в новый брак тем ниже, чем меньше прошлый специфический семейный капитал.

Вероятность развода во втором браке выше, чем в первом (специфический семейный капитал от первого брака снижает выгоды от второго).

Эмпирическая модель вероятности развода через n лет может быть представлена как

$$D_i = b_i X + \square,$$

где $D_i = 1$, если супруги развелись через n лет, и $D_i = 0$, если остались в браке.

X – вектор характеристик индивида (детерминант), b_i – коэффициенты модели.

Влияющие переменные (детерминанты) модели таковы: возраст вступления супругов в брак и его квадрат, образование, возраст респондента на момент исследования, доходы и их квадрат, родился ли ребенок в течение 7 месяцев после свадьбы (как аппроксимация вынужденного брака), количество детей разного возраста на момент исследования; разница супругов в возрасте, образовании и других характеристиках, национальность, вероисповедание и др.

Основные тенденции заключения и расторжения браков в России на основе микроданных²

Для эмпирических оценок мы используем данные РМЭЗ за 1994–2003 гг.: индивидуальные данные сопоставляются на основе кодов партнеров по браку. Под браком мы будем понимать как зарегистрированный, так и неоформленный союз.

² Более подробный эмпирический анализ процессов брачности на основе данных РМЭЗ см. в [Рощина, Рощин 2006].

Всего по всем раундам среди респондентов старше 16 лет состояли в браке 65,3% респондентов, при этом среди мужчин – 74,3%, а среди женщин – 58,4%. Среди мужчин выше доля никогда не состоявших в браке (18%, тогда как среди женщин – 13,6%), но ниже доля разведенных и не состоящих в браке (4,4% против 8,9% у женщин), и особенно вдовых (3,3% против 19,1% у женщин). Сравнение данных РМЭЗ с данными Росстата показывает, что показатели РМЭЗ очень близки к показателям по генеральной совокупности.

Между мужчинами и женщинами весьма значительна разница в возрастной структуре: в выборке почти 19% женщин старше 66 лет и только 11% мужчин соответствующего возраста. Как можно заметить, доля состоящих в браке среди женщин выше только в возрастной группе до 25 лет; в средней возрастной группе (36–55 лет) доля разведенных среди женщин примерно в 2 раза выше, чем среди мужчин. В старшей возрастной группе резко увеличивается доля вдов среди женщин: 30% против 6% (у мужчин) в возрасте 56–65 лет, и 63% против 19% в возрасте старше 66 лет. Эти данные также соответствуют российской статистике.

Отметим, что с 1998 по 2003 г. среди всех состоящих в браке доля незарегистрированных союзов выросла с 10,7% до 16,7%, т. е. приблизительно в 1,5 раза. Примерно такой же рост наблюдается для всех возрастных групп, однако незарегистрированный брак остается, прежде всего, молодежным явлением: по данным 2003 г. более трети молодых людей в возрасте до 25 лет и примерно пятая часть людей в возрасте 26–35 лет состояли в незарегистрированном браке.

Панельный характер данных позволяет проследить семейный статус индивидов от года к году и сопоставить соседние периоды на основе так называемых «транзитивных матриц», где в первом столбце отражено состояние в раунде T , а по строке показана доля респондентов данной группы, перешедших в те или иные состояния в раунде $T+1$. Такая строка оказывается моделью вероятности перехода в каждое состояние в зависимости от состояния в раунде T .

Следует отметить, что ответы индивидов о своем семейном положении отличаются определенной непоследовательностью: находились люди, которые в одном году сообщали, что состоят в браке или разведены, а в следующем – что никогда в браке не состояли; или наоборот, никогда не состоявшие в браке в следующем году объявляли себя вдовами и разведенными, что маловероятно за короткий период времени. Однако число подобных случаев относительно невелико, и они были удалены из базы данных. Другой проблемной группой являются респонденты, выбывшие из панели по причине переезда, временного отсутствия, смерти (эти причины указываются для выбывших в течение года, если хотя бы кто-либо из членов семьи остается в выборке). Кроме последней причины, в остальных случаях далеко не всегда можно установить, сменил ли семейный статус выбывший респондент. Хотя, начиная с конца 1990-х годов, организаторы опроса РМЭЗ стали разыскивать и включать в опрос и переехавших, все же случаев выбытия достаточно много. Если в случае развода эта информация для выбывшего иногда может быть восстановлена по оставшемуся в выборке бывшему супругу (в том случае, если он меняет брачный статус), то в случае вступления в брак данные отсутствуют. Сложности при идентификации развода возникали также в том случае, если респондент раз-

велся и снова вступил в брак в течение одного года: такие варианты отслеживались по смене идентификационного номера партнера.

После удаления непоследовательных данных и корректировки информации о семейном статусе в раунде $T+1$ на основе данных о супруге была сформирована матрица переходов, представленная в табл. 1. В течение года от 5,8% до 8,1% одиноких людей впервые заключают брак. Для разведенных вероятность нового союза составляет 11,3–13% (отметим, что встречаются и те, кто вновь заключает союз с тем же партнером, что и несколько лет назад). Для вдовых вероятность брачного выбора не превышала 2,8%, да и то в начале периода наблюдения. От 1,6% до 2,5% людей ежегодно расходятся, и еще 1,3–1,8% – теряют супруга по причине его смерти (т. е. на следующий год имеют статус вдовы/вдовца).

Таблица 1. Семейный статус в раунде $T+1$ среди респондентов, не имевших супруга в раунде T , объединенный массив 1994–2003 гг., (%)

В раунде T	В раунде $T+1$						Итого
	Сохранил статус	Женился (вышла замуж)	Умер	Другое домохозяйство	Отсутствует по другой причине	Нет данных	
Никогда в браке не состоял	71,0	6,1	0,3	5,3	2,5	14,8	100
Разведен и в браке не состоит	62,1	10,0	0,8	2,5	0,2	24,4	100
Вдовец (вдова)	77,4	1,6	3,3	1,2	0,2	16,2	100
Всего	71,5	5,4	1,4	3,5	1,3	17,0	100
	Среди тех, чей статус известен в раунде $T+1$						
Никогда в браке не состоял	83,3	7,2	0,4	6,2	3,0		100
Разведен и в браке не состоит	82,2	13,2	1,1	3,3	0,2		100
Вдовец (вдова)	92,4	2,0	3,9	1,5	0,2		100
Всего	86,1	6,4	1,7	4,2	1,6		100

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Пик вероятности заключения брака сместился за десятилетие с возраста 20–24 года на возраст 25–29 лет (в среднем по всем раундам), что говорит о смещении в сторону более старших возрастов, наблюдаемом на макроуровне.

Вероятность вступления в брак, как показывают данные табл. 2, представляется несколько более низкой у народов Северного Кавказа, малых народов Севера и Поволжья и прочих европейских национальностей. При этом у северокавказцев оказался самым низким средний возраст вступивших в брак, а у украинцев, белорусов и молдаван, а также других европейцев – самым высоким.

Таблица 2. Характеристики брачности по этническим группам

	Доля вступивших в брак по группам национальностей (%)	Средний возраст		
		Все	Оставшиеся одинокими	Вступившие в брак
Русские	8,6	42,4	43,2	33,4
Украинцы, белорусы, молдаване	8,0	56,0	57,4	39,3
Народы Северного Кавказа	6,2	32,9	33,2	28,6
Малые народности Поволжья и Севера	6,8	45,5	46,2	36,2
Татары, башкиры	8,7	41,7	42,3	35,4
Прочие европейские национальности	5,9	46,0	46,3	41,3
Прочие неевропейские национальности		48,7	48,7	—
Всего	8,4	42,4	43,2	33,6

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Выбор партнеров: взаимозаменяющие и взаимодополняющие характеристики супругов

Характер данных РМЭЗ позволяет сопоставить характеристики супругов и проверить гипотезу Беккера о выборе по сходству или различию, или предположение социологов и психологов о склонности к гомоморфным бракам.

В основном гипотезы о выборе по сходству и различию мы будем проверять на тех парах, которые недавно заключили брачный союз, поскольку многие характеристики партнеров по браку за время совместного проживания могли измениться вследствие взаимного влияния на вкусы, привычки и т. д.

Мы отобрали пары, вступившие в зарегистрированный или незарегистрированный брак в течение последнего года (т. е. в прошлом раунде не состоявшие в браке). Оказалось, что среди отобранных пар есть такие, которые вступали в брак, разводились и затем опять вступали в брак в течение рассматриваемого периода — эти пары анализировались только один раз. С учетом таких исключений осталось около 900 неповторяющихся пар, вступивших в брак в 1995–2003 гг. Для 20% этих пар не задавался вопрос о том, зарегистрирован ли брак (так как этот вопрос вообще не задавался до 1998 г.); из оставшихся 80% более половины вступили в незарегистрированный брак. Из отобранных нами 900 пар 12,3% распались в течение двух лет с момента вступления в брачный союз.

Информация о национальности имеется для 871 пары. Как оказалось, у 87,8% пар национальность (в данном случае речь идет именно о национальности, а не о

национальной группе) полностью совпадает. Доля вступивших в брак в своей национальной группе наиболее высока среди русских (как мужчин, так и женщин) и женщин северокавказских национальностей. За исключением народов Северного Кавказа, у всех остальных групп очень высока доля межэтнических браков с русскими, значительно выше, чем с представителями других этносов. Правда, количество заключенных браков (кроме русских) не позволяет делать статистически значимых выводов.

Так как национальность — фактически единственная характеристика, которая не меняется в браке (не считая, разумеется, пола и года рождения), соотношение национальностей можно рассмотреть также на всех парах, когда-либо попавших в выборку (если пара попадала в выборку несколько лет, она учитывалась только один раз). Таких пар оказалось 6077, данные о национальности имеются для 5941 пары, причем национальность полностью совпадает для 88% пар. В табл. 3, 4 представлены национальности мужа и жены по группам национальностей.

Таблица 3. Сопоставление национальностей мужа и жены по всем семейным парам, хотя бы один раз участвовавшим в опросе (человек)

Национальность жены	Национальность мужа							Всего
	Русские	Украинцы, белорусы, молдаване	Северокавказцы	Малые народности Севера и Поволжья	Татары, башкиры	Прочие европейские национальности	Прочие неевропейские национальности	
Русские	4820	148	27	53	46	78	13	5185
Украинки, белоруски, молдаванки	115	25		2	3	4		149
Северный Кавказ	5		155			2		162
Малые народности Севера и Поволжья	78	8		99	5	2	1	193
Татарки, башкирки	39	2		3	99	1	1	145
Прочие европейские национальности	41	5			1	45		92
Прочие неевропейские национальности	5		1				9	15
Всего	5103	188	183	157	154	132	24	5941

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Таблица 4. Меж- и внутриэтнические браки по всем семейным парам, хотя бы один раз участвовавшим в опросе

Националь- ность	Количество		Вступившие в брак с представителями своей националь- ности (%)		Вступившие в брак с русскими (%)		Вступившие в брак с представителями др. националь- ностей (%)	
	Женщи- ны	Мужчи- ны	Женщи- ны	Мужчи- ны	Женщи- ны	Мужчи- ны	Женщи- ны	Мужчи- ны
Русские	5185	5103	93,0	94,5			7,0	5,5
Украинцы, белорусы, молдаване	149	188	16,8	13,3	77,2	78,7	6,0	8,0
Северокав- казцы	162	183	95,7	84,7	3,1	14,8	1,2	0,5
Народы Поволжья и Севера	193	157	51,3	63,1	40,4	33,8	8,3	3,2
Татары, башкиры	145	154	68,3	64,3	26,9	29,9	4,8	5,8
Прочие европейские националь- ности	92	132	48,9	34,1	44,6	59,1	6,5	6,8
Прочие не- европейские националь- ности	15	24	60,0	37,5	33,3	54,2	6,7	8,3
Всего	5941	5941						

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Кроме того, для ряда характеристик мужа и жены, вступивших в брак в прошлом году, мы рассчитали матрицу парных корреляций. Как оказалось, большинство характеристик таких супругов имеют положительные корреляции:

возраст;

образование (в течение скольких лет получали образование, максимальный образовательный уровень);

статус занятости (занят ли на рынке труда);

индивидуальные доходы и суммарная заработная плата от двух работ и приработков;

профессиональная группа (руководитель, специалист, служащий, рабочий, неквалифицированный рабочий);

ожидания (вопрос: Как Вы думаете, через 12 месяцев Ваша семья будет жить лучше или хуже, чем сегодня?);

оценка нынешнего благосостояния семьи;
оценка собственного положения на лестнице власти;
удовлетворенность материальным положением семьи;
вес;
рост;
избыточный вес ($\text{вес}/(\text{рост} - 100)$);
носит ли очки;
самооценка здоровья;
религиозность;
вероисповедание;
интенсивность употребления кофе;
курит ли;
употреблял ли алкоголь в течение последнего месяца;
количество потребляемого алкоголя в месяц;
занятия спортом (количество часов в год) (6–12 волны);
количество видов спорта, которыми занимается (6–12 волны).

Независимыми друг от друга оказались только следующие характеристики мужа и жены: количество часов работы по основному месту в течение последнего месяца и стаж курения (для куривших когда-либо). Остальные параметры имеют тесную, статистически значимую связь, т. е. каждый человек тянется к себе подобному: кофеманы к кофеманам, спортсмены — к спортсменам, и даже «очкарики» — к «очкарикам». Не подтвердилась гипотеза Беккера о наличии выбора «по различию» для переменной доходов, что позволило бы супругам выиграть в разделении труда на домашний и рыночный.

Возраст мужа и жены связан положительно, но чаще в паре муж старше (в 53,2% случаев, тогда как жена старше в 19,7% случаев). В большинстве случаев это отражает следование сложившимся с далеких времен стереотипам, когда муж старшего возраста, накопив имущество и человеческий капитал, имел доходы для обеспечения семьи и только тогда мог позволить себе жениться. Женщина же была «обречена» на домашнюю работу и рождение детей, и потому, напротив, ее «капиталом» были молодость и здоровье.

Что касается доходов, то в среднем по всем парам доходы мужей существенно превосходят доходы жен — в 1,86 раза, что соответствует общей тенденции гендерного разрыва в заработках в российской экономике [Роцин, Зубаревич 2005; Роцин, Горелкина 2004]. Но разрыв в заработках супругов, недавно заключивших брачный союз (средние доходы женщин составляют 53% от средних доходов мужчин), превышает средний гендерный разрыв в заработках по данным РМЭЗ (средние доходы женщин составляют 59–60% от средних доходов мужчин) [Роцин, Зубаревич 2005]. Это свидетельствует о том, что у пар, длительный период состоящих в браке, и у одиноких мужчин и женщин разница в заработках немного меньше, чем у недавно заключивших брак. У 56,3% пар выше доходы мужа, а у 30,1% — доходы жены; в остальных случаях они приблизительно равны (разница не превышает 25%).

Можно было ожидать, согласно предположениям Беккера, что в случае большой разницы в возрасте (когда муж старше жены) обменивается «высокий доход

мужа на молодость жены» (табл. 5). Действительно, это предположение подтверждается отрицательной корреляцией между возрастом жены и доходами мужа; кроме того, в семьях, где жены старше мужей, доходы женщин выше (примерно на 13%), тогда как в остальных семьях выше доходы мужчин, и разница в доходах увеличивается с ростом разницы в возрасте, стабилизируясь на уровне около 2,17 раз для пар, где муж старше жены более чем на 2 года. Разница в возрасте между мужем и женой максимальна для семей, где доходы жены значительно меньше, чем у мужа, и минимальна для семей, где мужья совсем не зарабатывают.

Таблица 5. Сопоставление доходов мужа и разницы в возрасте супругов (%)

Доходы мужа (в ценах 2003 г.)	Разница в возрасте					Всего
	Жена старше больше чем на 5 лет	Жена старше на 2–5 лет	Примерно равны	Муж стар- ше на 2–5 лет	Муж стар- ше больше чем на 6 лет	
Менее 1 тыс. руб.	7,7	14,5	29,1	31,8	16,9	100
1–2 тыс. руб.	7,6	13,8	23,4	33,1	22,1	100
2–3 тыс. руб.	4,3	9,6	29,8	39,4	17,0	100
3–4 тыс. руб.	1,6	11,1	19,0	47,6	20,6	100
Более 4 тыс. руб.	4,8	13,7	26,4	30,8	24,2	100
Всего	6,1	13,4	26,8	33,7	20,0	100

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Как и в случае возраста, наблюдается высокая корреляция между уровнями образования супругов (вступивших в брак в прошлом году), однако в этом случае чаще более «высокого качества» (в терминологии Беккера) оказывается жена: в 32,5% случаев партнеры по браку имеют равный уровень образования, в 38,2% случаев образование выше у жены, в 29,4% случаев – у мужа (табл. 6). Этот результат неудивителен, поскольку в российском обществе женщины имеют в среднем более высокий уровень образования, причем разрыв в пользу женщин продолжает увеличиваться [Баскакова 2003; Роцин, Зубаревич 2005].

Таблица 6. Сопоставление образовательного уровня супругов (%)

Образование жены	Образование мужа						Итого
	Нет общ. ср. образо- вания	Среднее образо- вание	Пту без среднего образо- вания	Пту со средним образова- нием	Ссуз	Вуз	
Нет общ. ср. образования	43,5	16,9	16,9	11,3	8,1	3,2	100,0
Общее среднее об- разование	12,2	40,8	7,8	19,6	9,4	10,2	100,0

Окончание табл. 6

Образование жены	Образование мужа							Итого
	Нет общ. ср. образования	Среднее образование	Пту без среднего образования	Пту со средним образованием	Ссуз	Вуз	Аспирантура	
Пту без среднего образования	28,1	19,3	19,3	17,5	12,3	3,5		100,0
Пту со средним образованием	11,7	24,8	13,1	33,6	13,9	2,9		100,0
Ссуз	9,0	27,6	9,5	20,4	18,1	14,9	,5	100,0
Вуз	4,6	20,4	2,8	18,5	15,7	36,1	1,9	100,0
Аспирантура				25,0	25,0	25,0	25,0	100,0
Всего	15,7	27,8	10,4	20,5	13,1	12,1	,4	100,0

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Неравенство в заработках, достигающее максимальных значений в группе семей, где образование у мужа выше, чем у жены, менее выражено у пар, в которых жена имеет более высокий уровень образования (табл. 7). Таким образом, более высокое образование женщин не только обеспечивает им возможность получить заработки, сопоставимые с заработками мужчин, но и сокращает (но не устраняет полностью) неравенство в доходах внутри семьи.

Таблица 7. Разница в доходах и в образовательном уровне супругов (%)

Доходы	Образовательный уровень			По всей выборке
	У мужа выше	Равны	У жены выше	
Доходы мужа выше	67,8	55,1	48,5	56,3
Примерно равны	10,9	11,8	17,1	13,6
Доходы жены выше	21,3	33,1	34,4	30,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Тесно взаимосвязаны также статусы занятости вступивших в брак (табл. 8), т. е. нельзя сказать, что при подборе партнеров один из них работает на рынке труда, а другой – сидит дома. Однако такое разделение труда может сложиться в дальнейшем на основе различий в заработках и выхода на рынок труда более «эффективного», с точки зрения доходов, супруга.

Таблица 8. Сопоставление статусов занятости супругов (%)

Статус занятости жены	Статус занятости мужа			Итого
	Неактивный	Ищет работу	Имеет работу	
Неактивный	30,0	10,4	59,6	100,0
Ищет работу	10,1	19,0	70,9	100,0
Есть работа	6,9	10,1	83,0	100,0
Всего	14,5	11,0	74,5	100,0

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Если оба супруга работают, то профессиональный статус мужа существенно превышает статус жены по парам, вступившим в брак год назад, несмотря на более низкий уровень образования мужа (табл. 9)³. В 22,6% случаев должность выше у жены, в 56,8% случаев – у мужа, в 20,6% случаев должности равны. Для всех семейных пар (а не только для вступивших в брак год назад) соответствующие показатели составляют 23,6%, 53,4%, 22,9%. Таким образом, ситуация меняется незначительно.

Таблица 9. Сопоставление профессиональных статусов супругов, вступивших в брак в течение года перед проведением опроса (%)

Жена	Муж						
	Руководители	Специалисты с высшим образованием	Специалисты со средним образованием	Служащие	Квалифицированные рабочие	Неквалифицированные рабочие	Всего
Руководители	20,0				60,0	20,0	100,0
Специалисты с высшим образованием	7,8	16,9	15,6	2,6	46,8	10,4	100,0
Специалисты со средним образованием	8,0	6,9	12,6	13,8	46,0	12,6	100,0
Служащие	6,3	3,9	9,4	6,3	55,9	18,1	100
Квалифицированные рабочие			3,6	10,9	72,7	12,7	100
Неквалифицированные рабочие	2,1	2,1	6,4		70,2	19,1	100
Всего	5,8	6,3	10,1	7,0	56,0	14,8	100

³ Для сопоставления профессионального статуса мы используем первый уровень профессиональной классификации, но при этом 10 групп были объединены в 6. Так как первый уровень классификации видов деятельности включает также и должностные критерии, то с некоторой погрешностью можно говорить о более высоком и более низком профессиональных статусах.

Окончание табл. 9

Жена	Муж						Всего
	Руководители	Специалисты с высшим образованием	Специалисты со средним образованием	Служащие	Квалифицированные рабочие	Неквалифицированные рабочие	
Руководители	4,3				1,3	1,7	1,3
Специалисты с высшим образованием	26,1	52,0	30,0	7,1	16,1	13,6	19,3
Специалисты со средним образованием	30,4	24,0	27,5	42,9	17,9	18,6	21,9
Служащие	34,8	20,0	30,0	28,6	31,8	39,0	31,9
Квалифицированные рабочие			5,0	21,4	17,9	11,9	13,8
Неквалифицированные рабочие	4,3	4,0	7,5		14,8	15,3	11,8
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Как и ожидалось, вероисповедание также является важной характеристикой специфического семейного капитала. Поэтому неудивительно, что большинство супругов выбирают «подобных себе по вере» (табл. 10, 11). Именно разногласия в режиме питания, соблюдении обрядов, да и различия в социально-нравственных нормах способны разрушить брак или не допустить его заключения.

Таблица 10. Сопоставление отношения к религии супругов, вступивших в брак в течение года перед проведением опроса (%)

Жена	Муж					Всего
	Верующий	Скорее верующий	Скорее неверующий	Неверующий	Атеист	
Верующая	41,2	30,2	9,9	15,3	3,4	100,0
Скорее верующая	13,8	49,1	12,5	17,6	6,9	100,0
Скорее неверующая	7,5	26,9	29,9	31,3	4,5	100,0
Неверующая	17,6	29,4	8,8	38,2	5,9	100,0
Атеистка		25,0	37,5	25,0	12,5	100,0
	23,8	37,6	13,1	20,2	5,3	100,0

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Таблица 11. Сопоставление конфессий верующих супругов, вступивших в брак в течение года перед проведением опроса (%)

Жена	Муж				Всего
	Христианство	Мусульманство	Другая конфессия	Конфессия не определена	
Христианство	78,3	2,7	0,5	18,5	100,0
Мусульманство	15,8	84,2	0	0	100,0
Другая конфессия	66,7		33,3	0	100,0
Конфессия не определена	44,9	4,1	0	51,0	100,0
	72,7	5,9	0,6	20,8	100,0

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Регрессионный анализ вероятности вступления в брак

Для оценки модели вероятности вступления в брак нами были отобраны индивиды, в раунде T не состоявшие в браке (т. е. никогда не состоявшие в браке, разведенные и вдовы) – таких респондентов в возрасте старше 16 лет оказалось 27391 человек, из которых 67% – женщины (по выборке в целом женщины составляют 57%). Такая ситуация складывается в связи с преобладанием одиноких женщин среди старших возрастов. Затем был рассмотрен их семейный статус в раунде $T + 1$ и сформирована зависимая переменная, равная 1, если респондент в течение года вступил в брак (в том числе в незарегистрированный), и 0 – в противном случае.

В качестве основных детерминант вероятности вступления в брак в следующем году были отобраны переменные, согласующиеся с теоретической моделью брачного выбора, а именно возраст и квадрат возраста, пол, национальность, образование респондента, его профессиональный статус (дамми по профессиональным группам – военные, руководители высшего уровня, специалисты, базовая категория – остальные группы занятых), наличие опыта работы, учится ли респондент, его статус занятости, логарифм своих доходов и логарифм доходов всех других членов семьи, количество человек в семье, самооценка здоровья, рост, избыточный вес, курение и употребление алкоголя, уровень оптимизма (удовлетворенность жизнью в целом), а также количество уже имеющихся детей и дамми по прошлому брачному опыту (база – никогда не состоял в браке). С учетом пропущенных значений по характеристикам-детерминантам в раунде T , а также наличия информации о семейном статусе в раунде $T + 1$, модель регрессионного анализа позволила включить 12698 респондентов, в том числе 3933 мужчины и 8765 женщин.

Кроме того, были включены переменные поселенческих характеристик (уровень урбанизации и регион проживания) и контрольные переменные по раундам. Переменные уровня брачности, безработицы и заработной платы в регионе включались в исходные варианты модели, но оказались незначимыми и были исклю-

чены. Тест выявил отсутствие мультиколлинеарности этого набора независимых переменных. Первоначальные расчеты показали, что значимость и знаки коэффициентов модели существенно различаются для подгрупп, во-первых, мужчин и женщин, а во-вторых, для возрастных групп 16–50 и старше 50 лет. Мы проанализировали самостоятельные модели для каждой из четырех демографических групп, различающихся по полу и возрасту. Кроме того, были рассчитаны модели панельной регрессии с фиксированным эффектом. Результаты расчетов для мужчин и женщин в возрасте 16–50 лет представлены в Приложении (табл. П1), для мужчин и женщин более старшего возраста таблицы не приводятся в силу малого количества значимых переменных.

Начнем с группы мужчин 16–50 лет. Как оказалось, значительное количество переменных оказывают влияние на вероятность вступления в брак в следующем году; незначимы – возраст, уровень образования, наличие опыта работы, собственные доходы, самооценка здоровья, употребление алкогольных напитков, статус вдовца, национальность (за исключением татар). Характеристики занятости оказались весьма существенными. Так, по сравнению с работающими, существенно ниже шансы у безработных и экономически неактивных мужчин, а вот среди занятых возможности выше у военных и руководителей, а ниже – у специалистов (с высшим образованием). Учащиеся же с меньшей вероятностью вступают в семейные отношения, что, скорее всего, связано с увеличением возраста вступления в брак.

Собственные доходы мужчины, как это ни странно, не влияют на анализируемую нами зависимую переменную, а вот уровень доходов других членов семьи, при контроле количества членов семьи (влияющем положительно), оказывает негативное воздействие. Так как чаще в брак вступают молодые люди, чьи доходы еще не достигли максимума, первый факт не вызывает удивления. Негативное влияние семейного дохода, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что люди из бедных семей, возможно, менее тщательны в выборе партнера, так как их последующие издержки на расторжение брака ниже, и поэтому более склонны к вступлению в брак. Что касается количества человек в семье, то в этом случае могут одновременно работать две причины: во-первых, более высокая ценность семьи в целом у людей, выросших в больших семьях, или, во-вторых, желание сменить домохозяйство проживания (скорее покинуть родительскую семью и стать самостоятельным). Возможно также, что сказываются поселенческие факторы, так как более бедное население чаще проживает в сельской местности и малых городах, хотя сами по себе эти переменные уровня урбанизации (по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом) незначимы.

Интересно также, что выше вероятность заключения брака у татар (по сравнению с русскими), а чаще женятся в Северном и Северо-Западном регионах, на Урале, в Западной Сибири и на Дальнем Востоке (по сравнению с Москвой и Центральным регионом). Характерно также и то, что по сравнению с мужчинами, никогда не состоявшими в браке, выше вероятность нового союза у разведенных, и такая же – у вдовых. Это свидетельствует о том, что накопленный в предыдущем браке специфический семейный капитал для российских мужчин не является существенным препятствием для заключения нового брака, а общие умения, приобре-

тенные в прошлом браке (например, коммуникабельность, хозяйственные навыки и т. д.), ценятся высоко. Возможно также, что у разведенных в целом выше склонность к более быстрому поиску партнера — как в силу приобретенных «умений» по его оценке, так и в силу возможной «привычки» к семейной жизни или опасений остаться одиноким. В то же время тенденция «ожегшись на молоке, дуть на воду», т. е. быть более разборчивым на основе уже приобретенного опыта, видимо, менее выражена.

Достаточно неожиданный результат — это положительный эффект от количества своих детей, который, как мы полагаем, скорее всего объясняется склонностью таких отцов быстрее найти мачеху для своего ребенка и разделить с ней заботы по его воспитанию. Положительный эффект от курения, на наш взгляд, связан прежде всего с фактом коммуникации, так как эти аддитивные средства, как известно, часто употребляются в компании. Кроме того, возможно, курящий соответствует имиджу «настоящего мужчины», ведь антитабачная пропаганда в России пока не получила достаточного развития. В то же время мужчина, употребляющий алкоголь, имеет равные шансы с непьющим.

Примечательно, что рослые мужчины крепкого телосложения имеют более высокие шансы на брачном рынке. Таким образом, для мужчин физические характеристики оказываются весьма существенным «брачным капиталом». В то же время такая важная, с точки зрения теоретиков, психологическая черта, как степень оптимизма (удовлетворенность жизнью в целом), оказывает негативное влияние на вероятность жениться, хотя теория предполагает обратное влияние. Скорее всего, имеющийся показатель в большей степени связывается с оценкой своего «холодного» состояния как удовлетворительного, чем со склонностью видеть своего будущего партнера через «розовые очки».

Модель с фиксированными эффектами, позволяющая выявить влияние изменения характеристик респондента в течение года на вероятность в ближайшем будущем заключить брак, подтвердила только некоторые выводы модели. Оказалось, что в динамике возраст все же отрицательно сказывается на вероятности вступления в брак для мужчины, так же как и приобретение профессионального образования. В то же время изменения в статусе занятости и должности не приводят к повышению шансов в краткосрочном периоде. Вероятность вступления в брак ниже у разведшихся в течение прошлого года, видимо, в связи со слишком коротким периодом для поиска партнерши, так как в кросс-модели влияние статуса разведенного было положительным.

При оценке модели для мужчин в возрасте старше 50 лет оказалось, что сохраняют свое влияние только переменные доходов других членов семьи (негативное) и количества членов семьи (позитивное). Из характеристик занятости только статус безработного, по сравнению с работающими, имеет положительное влияние. Это можно объяснить тем, что значительное количество мужчин старших возрастов являются экономически неактивными. Существенный момент — значимое негативное влияние статуса вдовца на вероятность вступления в повторный брак: в исследованиях западных ученых также отмечался эффект отрицательной притягательности людей, переживших когда-либо своего супруга. Этот статус не являет-

ся значимым для более молодых мужчин, видимо, в связи с очень незначительным количеством вдовцов среди них.

На наш взгляд, такое различие между значимыми характеристиками модели для разных возрастных групп весьма показательно: если для более молодых мужчин существенно повышающими шансы на брачном рынке являются как физические характеристики (рост, вес), так и экономический капитал (статус занятости), то для пожилых, для которых ожидаемая продолжительность брака низка, накопление семейного капитала становится существенно менее важным. Эта закономерность повторяется также для двух подгрупп женщин: для пожилых женщин значимыми характеристиками оказываются только параметры домохозяйства в раунде T (доходы других членов семьи — негативное влияние, количество человек в семье — позитивное), а также статус вдовы (сильное негативное влияние). Слабозначимым позитивным влиянием обладает удовлетворенность жизнью. Все остальные переменные не оказывают влияния на шансы пожилой женщины вступить в брак.

Что касается женщин в широком возрастном диапазоне от 16 до 50 лет, то вероятность замужества ниже у самых молодых и у самых старших, а также у учащихся (аналогично мужчинам). Примечательно, что по сравнению с работающими женщинами домохозяйки (т. е. экономически неактивные) имеют лучшие шансы вступить в брак, чего нельзя сказать о безработных. Переход «в домохозяйки» (согласно модели с фиксированным эффектом) также способствует удачному поиску партнера. В то же время больше возможностей у тех, кто имел какой-либо опыт работы (или приобрел его в течение прошлого года). Хотя более высокая должность не является препятствием к вступлению женщины в брак, однако выдвижение на руководящие позиции снижает шансы в краткосрочной перспективе (о чем свидетельствует модель с фиксированным эффектом). Это подтверждает гипотезу о том, что ориентированность женщины на домашнее хозяйство, а не на рынок труда, положительно влияет на вероятность вступления в брак. Для мужчин, как мы помним, ситуация прямо противоположна.

Довольно неожиданно, что рост и фигура женщины не являются значимыми параметрами, хотя считается, что именно физическая привлекательность — важный капитал женщины на брачном рынке; напротив, данные свидетельствуют о том, что это характерно для мужчин. Конечно, мы не располагаем данными о внешности, умении одеваться и т. д., которые могут быть более важными; тем не менее примечательно, что не только женщины с фигурой манекенщиц имеют успех. Возможно, не слишком социально обнадеживающим фактом является то, что больше шансов на брачном рынке имеют курящие и употребляющие алкоголь женщины, однако мы полагаем, что это в первую очередь объясняется их более высокой коммуникабельностью. В динамике приобретение этих привычек не способствует росту шансов вступить в брак (модель с фиксированным эффектом).

Хотя разведенные женщины (т. е. имеющие накопленный капитал в виде хозяйственных навыков и т. д.) имеют лучшие возможности, а вдовы (пусть и обладающие тем же капиталом, но пережившие супруга) — худшие, однако приобретение как статуса вдовы, так и разведенной женщины ухудшает позиции при поиске партнера по браку. При этом дети не являются помехой браку, но рождение еще

одного ребенка существенно снижает вероятность создания семьи в краткосрочной перспективе.

Регрессионный анализ факторов возраста вступления в брак

Мы проанализировали зависимость возраста вступивших в брак от ряда социально-экономических характеристик, причем как для всех вступивших, так и отдельно для тех, кто впервые вступил в брачный союз (т. е. перешел в состояние «состоит в браке» из состояния «никогда не состоял в браке»). Как оказалось, практически все влияющие переменные соответствуют теоретическим предположениям, за исключением влияния образования и занятости (табл. П2 Приложения). Гипотетически люди с высшим образованием, по сравнению с не имеющими профессионального образования, должны вступать в брак позже, однако такой зависимости не наблюдается, а вот имеющие среднее профессиональное образование склонны к более раннему вступлению в брак (для всей совокупности, но не для вступающих в брак впервые). По сравнению с занятыми, позже женятся безработные и неактивные на рынке труда люди.

В целом следует отметить, что большинство переменных, как для всей совокупности, так и для не имевших предыдущего брачного опыта, влияют сходным образом. Мужчины вступают в брак позже. Также более поздние браки характерны для людей с более высокими собственными доходами (так как издержки на расторжение обычно выше), но более низкими доходами других членов семьи. Раньше находят партнера те, кто полагает, что у него хорошее здоровье – этот вывод соответствует результатам Фу и Голдмана [Fu, Goldman 1996]. Курение, видимо, за счет роста коммуникабельности, снижает вероятный возраст вступления в брак. Количество своих детей, согласно оценкам, дает возможность раньше заключить повторный брак (что, возможно, обусловлено желанием родителя, обычно матери, найти ребенку отца), но наличие детей для тех, кто в браке не состоял, является негативным фактором, понижающим их ценность на брачном рынке и приводящим к более позднему браку. По сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом, более ранние браки заключают жители других областных центров и малых городов (но не села) – по всей совокупности, а из региональных различий следует отметить молодой возраст начала семейной жизни для вступающих в первый брак на Северном Кавказе. В то же время национальные различия не выявлены, за исключением того, что представители малых народов раньше заключают первые браки, чем русские. Оптимизм также способствует более молодому возрасту вступления в брак, что соответствует гипотезе Беккера.

Различия между детерминантами возраста вступления в первый брак для мужчин и женщин существуют, но не слишком значительные: по большинству переменных влияние одинаково. Тем не менее можно отметить, что для мужчин наличие высшего образования понижает возраст вступления в брак, тогда как для женщин такое влияние отсутствует. Большая семья, напротив, способствует более раннему браку у женщин, но не у мужчин. Отмеченная выше особенность – вступление в первый брак в более молодом возрасте на Северном Кавказе – характерна

только для женщин. В то же время влияние национальной принадлежности также различно для мужчин и для женщин.

Регрессионный анализ показывает также очевидное повышение возраста вступления в брак за исследуемый период (1994–2003 гг.) как для всех браков, так и для впервые заключающихся. В первую очередь это характерно для женщин, тогда как для мужчин значимые различия по сравнению с 2003 г. наблюдаются только для середины 1990-х годов.

Регрессионный анализ факторов, влияющих на вероятность расторжения брака

Для анализа стабильности брака (или вероятности его расторжения) мы выбрали совокупность индивидов, состоявших в браке (включая незарегистрированный) в раунде T , включая тех респондентов, которые отмечали иной семейный статус, но фактически указывали на проживающего совместно с ними партнера; таких оказалось 46813 человек. Однако из этой совокупности в раунде $T + 1$ 540 человек выбыли по причине смерти, 759 – переехали или временно отсутствовали, а о 4797 респондентах не удалось собрать сведения. Таким образом, для анализа были отобраны 34281 человек, состоявших в браке в раунде T и о семейном положении которых в раунде $T + 1$ мы располагали информацией. Среди них – 51,7% женщин, 7,7% – моложе 24 лет, 22,8% – старше 60 лет, 50,7% не имели детей. В 1998–2003 гг. 13,3% браков составляли незарегистрированные (ранее этот вопрос не задавался).

Таблица 12. Вероятность сохранения брака в следующем раунде для мужчин и женщин по возрастным группам (%)

		Семейное положение в раунде $T + 1$			Итого
		Женат (замужем)	Разведен(а)	Вдов(а)	
Женщины	≤ 24	93,2	6,6	0,2	100
	25–54	95,5	3,1	1,4	100
	≥ 55	92,3	0,8	6,9	100
	Всего	94,5	2,8	2,7	100
Мужчины	≤ 24	94,4	5,5	0,1	100
	25–59	97,4	2,4	0,2	100
	≥ 60	96,5	0,7	2,7	100
	Всего	97,0	2,2	0,7	100

Из этой совокупности респондентов в следующем раунде остались в том же браке 95,7%, развелись (или вступили в другой брак) 2,5%, овдовели – 1,7%. Как показывает табл. 12, распад семейного союза (включая незарегистрированный) наиболее характерен для молодежи в возрасте до 24 лет, а вдовство – для женщин старше 55 лет.

С точки зрения экономической теории, чем выше семейный капитал, тем стабильнее брак. Поскольку дети включаются в семейный капитал, можно предположить, что наличие детей снижает вероятность развода. Однако этот факт верен только для молодежи (среди имеющих детей развелись 5,8%, среди бездетных – 7%, хотя эта разница незначима), тогда как для более старших возрастов даже минимальные различия не наблюдаются. В целом среди тех, кто развелся, – 63,6% пар с детьми, а среди сохранивших свой брак – 50,1%.

Таблица 13. Соотношение характеристик супругов, сохранивших и не сохранивших брачный союз в раунде $T+1$ (%)

Семейный статус в раунде $T+1$	Оба не сохранили брак	Жена да, муж нет	Муж да, жена нет	Оба сохранили брак	Итого
Наличие высшего образования у супругов в раунде T (%)					
Сохранили брак	73,7	9,5	7,8	9,0	100,0
Развелись	79,8	12,1	3,6	4,6	100,0
Всего	73,8	9,6	7,7	8,8	100,0
Работают ли супруги в раунде T (%)					
Сохранили брак	19,2	11,5	17,9	51,4	100,0
Развелись	15,8	33,5	12,1	38,6	100,0
Всего	19,1	12,2	17,7	51,0	100,0
Курят ли супруги в раунде T (%)					
Сохранили брак	37,0	1,6	53,0	8,5	100,0
Развелись	18,7	2,6	55,4	23,3	100,0
Всего	36,6	1,6	53,0	8,8	100,0

Факторами, укрепляющими брак, также выступают параметры, которые, согласно Беккеру, «подбираются по сходству» при выборе партнера. Как мы отмечали ранее, для России характерен выбор партнеров по сходству практически по всем переменным. Оказалось, что разведшиеся пары в целом более разнородны, чем сохранившие брак, по таким характеристикам, как национальность, статус занятости, образование (табл. 13–15).

Таблица 14. Соотношение возраста и доходов супругов, сохранивших и не сохранивших брачный союз в раунде $T+1$, (%)

Семейный статус в раунде $T+1$	Доходы мужа выше	Доходы примерно равны	Доходы жены выше	Итого
Соотношение возраста супругов в раунде T (%)				
Сохранили брак	41,5	48,5	10,1	100,0
Развелись	45,5	40,6	13,9	100,0
Всего	41,5	48,3	10,1	100,0

Окончание табл. 14

Семейный статус в раунде $T+1$	Доходы мужа выше	Доходы примерно равны	Доходы жены выше	Итого
Соотношение доходов супругов в раунде T (%)				
Сохранили брак	22,4	29,1	48,6	100,0
Развелись	30,6	28,4	41,0	100,0
Всего	22,5	29,1	48,4	100,0

Кроме того, среди распавшихся браков существенно выше, чем в среднем по выборке, доля таких пар, где жена работает, а муж — нет; где жена старше; где она больше зарабатывает; где она имеет высшее образование, а муж нет. Среди разошедшихся пар существенно меньше, чем в среднем, таких, где хотя бы у одного из супругов плохое здоровье, и больше — тех, где оба супруга курят.

Таблица 15. Соотношение национальностей супругов, сохранивших и не сохранивших брачный союз в раунде $T+1$ (%)

Семейный статус в раунде $T+1$	Национальности супругов в раунде T		
	различны	одинаковы	
Сохранили брак	10,9	89,1	100
Развелись	13,4	86,6	100
Всего	11,0	89,0	100

В качестве основных детерминант регрессионной модели вероятности расторжения брака в следующем раунде были отобраны переменные, согласующиеся с теоретической моделью: возраст, пол, национальность, образование респондента, статус занятости, логарифм своих доходов и логарифм доходов других членов семьи (кроме супруга), количество взрослых в семье, самооценка здоровья, рост, избыточный вес, курение и употребление алкогольных напитков, уровень оптимизма (удовлетворенность жизнью в целом), а также количество детей. Учитывая, что, согласно теории, более стабильным является брак с большим объемом семейного капитала, часто являющимся следствием сходных характеристик супругов, в модель также были включены переменные, измеряющие различия между супругами (наличие разных статусов занятости, образования, курения, употребления алкоголя, различия в возрасте, доходах, самооценке здоровья). В качестве прокси для объемов семейного капитала использовались также переменные, характеризующие жилье (количество квадратных метров общей площади на человека, количество бытовых удобств — газ, водопровод, телефон и т. д.), материальное благосостояние (количество предметов имущества — товаров длительного пользования). Включавшиеся индикаторы «финансового неблагополучия» семьи — наличие материальной помощи от родственников и друзей, факта взятия денег в долг, траты накопленных сбережений — оказались незначимы и в дальнейшем были исключены из модели.

Кроме того, были включены переменные поселенческих характеристик (уровень урбанизации и регион проживания) и контрольные переменные по раундам. Переменные уровня разводимости, безработицы и заработной платы по региону включались в исходные варианты модели, но оказались незначимыми и были исключены. Тест выявил отсутствие мультиколлинеарности этого набора независимых переменных. Первоначальные расчеты показали, что значимость и знаки коэффициентов модели существенно различаются для подгрупп, во-первых, мужчин и женщин, а во-вторых – для возрастных групп 18–50 лет и старше. Поэтому мы провели оценку самостоятельных моделей для каждой из четырех демографических групп, различающихся по полу и возрасту. Результаты расчетов для мужчин и женщин в возрасте 16–50 лет приведены в Приложении, для мужчин и женщин старшего возраста расчеты не приводятся в силу малого количества значимых переменных. Отдельные оценки моделей были сделаны с учетом переменной «зарегистрирован ли брак» (она измерялась только для 8–12 раундов), а также для групп мужчин и женщин, состоящих в зарегистрированном или в незарегистрированном браке (см. табл. П3, П4 Приложения).

Модели также были рассчитаны в двух вариантах:

1) Модель probit, где дихотомическая переменная принимает два значения: 0 – респондент в следующем раунде сохранил брачный союз, 1 – развелся (овдовевшие удалены из анализа).

2) Мультиномиальная регрессия, где категориальная переменная принимала три значения: 0 – респондент в следующем раунде сохранил брачный союз, 1 – развелся, 2 – овдовел.

Так как нас интересовали именно факторы развода, второй вариант модели использовался для оценки наличия смещенности. Однако оказалось, что в обеих моделях значимость факторов, влияющих на вероятность расторжения брака по сравнению с факторами, влияющими на вероятность сохранить брак, совпадает, поэтому мы приводим только результаты оценки модели probit.

Результаты оценки моделей показали, что для женщин моложе 50 лет значимыми факторами, влияющими на вероятность сохранения брака, являются возраст, этническая принадлежность (северокавказские национальности), удовлетворенность жизнью в целом, количество детей, наличие избыточного веса. Кроме того, вероятность развода меньше для тех женщин, в семье которых имеется подсобное хозяйство, больше предметов длительного пользования, лучше жилищные условия (количество квадратных метров). Напротив, чаще разводятся курящие женщины (как, впрочем, и мужчины) – как показывают предельные оценки, это наиболее дестабилизирующий семью фактор. Большинство экономических переменных (доходы, занятость) оказались незначимы, однако значимые переменные в целом подтверждают гипотезу о стабилизирующей роли семейного капитала (дети, имущество).

Переменные, измеряющие различия между супругами, действуют разнонаправленно относительно стабильности брака у женщин. Так, выше вероятность развода в том случае, если женщина имеет высшее образование, а ее супруг – нет; если она старше; если у него лучше самооценка здоровья; если один из супругов употребляет алкоголь, а другой – нет. Вероятность развода ниже, если супруг име-

ет более высокий доход. Разнородность этнической принадлежности, статусов занятости, курения, а также религиозности и вероисповедания (в моделях для 9–11 раундов, где задавались эти вопросы) значимого влияния на стабильность семьи не оказывает. Таким образом, факторами, укрепляющими семью, являются гомогенность партнеров в образовании, здоровье, употреблении алкоголя, но гетерогенность – в возрасте и доходах (если муж старше и имеет более высокие доходы), что свидетельствует о сохранении культурных стереотипов в семье.

Что касается модели для мужчин моложе 50 лет, то значимых переменных в целом меньше. Сохранение брака более вероятно для мужчин старшего возраста, северокавказских национальностей или татар, имеющих работу, больше детей, подсобное хозяйство, с избыточным весом и т. д. Более склонны к разводу, как уже отмечалось, курящие мужчины. Что касается различий между супругами, то гетерогенность здоровья выступает негативным фактором стабильности брака (если у жены оно лучше), так же как отношение к алкогольным напиткам, а гомогенность возраста – позитивным.

В моделях для раундов 8–11 (1998–2002 гг.), где мы располагали информацией о том, зарегистрирован ли брак, оценки для женщин по исходному перечню переменных совпадают для возраста, курения, веса, характеристик жилья и имущества, различий в доходах и образовании. Однако переменные наличия подсобного хозяйства, различий в потреблении алкоголя, в самооценках здоровья оказались незначимы. Напротив, выше вероятность развода (хотя и с невысоким уровнем значимости) у работающих женщин, а также у женщин с отличным от супруга статусом занятости. Включение в модель фактора «зарегистрирован ли брак» показало, что он является наиболее дестабилизирующим (вероятность распада союза для женщин в этом случае увеличивается на 5%), при этом теряют свое влияние характеристики жилья и имущества, различия в занятости, но становятся значимыми переменные удовлетворенности жизнью, различий в здоровье и наличия подсобного хозяйства.

Что касается моделей, оцененных отдельно для совокупностей женщин, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке, оказалось, что полноценные выводы для неофициального брачного союза сделать сложно в силу небольшой подвыборки (747 респондентов), однако значимыми и позитивно влияющими на сохранение такого союза оказались только переменные количества квадратных метров на человека, размеров имущества, более высокий доход мужа, а также избыточный вес жены. Для оформленного брака стабилизирующими факторами являются возраст, удовлетворенность жизнью, наличие подсобного хозяйства, дестабилизирующими – занятость женщины на рынке труда, курение, различие статусов занятости и самооценки здоровья супругов, а также более хорошие бытовые условия.

Значимое негативное влияние на вероятность сохранения брака гетерогенности в образовании в том случае, если жена имеет высшее образование, а муж – нет, выявленное для всей совокупности женщин, но не обнаруженное на подвыборках состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном союзе, заставило протестировать этот факт. В целом среди зарегистрированных браков жена имеет высшее образование, а муж нет в 10,4% случаев, а среди незарегистрированных –

в 8,9% случаев, однако это различие незначимо (Т-тест). Напротив, значимое различие наблюдается для вероятности распада незарегистрированного союза: если жена имеет высшее образование, а муж – нет, вероятность составляет 15,7%, тогда как для других соотношений уровней образования вероятность составляет 9,4%. Для зарегистрированного брака различия отсутствуют (2,2% и 2% соответственно).

Модель, оцененная для мужчин в 8–11 раундах, выявила еще меньшее количество значимых факторов. Позитивное влияние на стабильность брака сохранилось для возраста, национальности (северокавказцы), наличия работы, избыточного веса, гомогенности возраста супругов. В то же время оказалось, что развод более вероятен для мужчин, чьи жены имеют более высокий доход. Включение в модель переменной «зарегистрирован ли брак» при сохранении значимости остальных переменных показало, как и для женщин, что это наиболее дестабилизирующий семью фактор (вероятность развода выше на 3,5%). Результаты тестирования модели для мужчин, состоящих в незарегистрированном браке, в силу малой совокупности (652 человека) не могут быть надежными, и показали значимость только этнического фактора, дохода, а также различий в образовании. Вероятность сохранения зарегистрированного союза значимо выше для мужчин старшего возраста, имеющих работу, а также в гомогенной по возрасту паре.

Для женщин старше 50 лет значимое влияние на вероятность развода сохраняют только две переменные: возраст и количество квадратных метров общей площади на человека (обе оказывают отрицательное влияние). Для мужчин старше 50 лет слабозначимое (10%) положительное влияние на вероятность развода сохраняют переменные наличия работы, а также роста.

Заключение

Проведенный нами эмпирический микроэкономический анализ процессов брачности является одной из первых подобных работ, выполненных на российских данных. Он позволил проверить ряд теоретических предположений. Так, можно сделать вывод, что в российском обществе выбор брачных партнеров происходит во многом «по сходству», а не «по различию». Наличие схожих характеристик у людей, заключающих брак, позволяет сделать вывод о том, что эти характеристики являются взаимодополняющими. Совпадение многих характеристик также свидетельствует в пользу того, что поиск и выбор брачных партнеров происходит в своем социальном окружении, и эти параметры срабатывают как сигнальные механизмы идентификации. Также можно сказать, что на начальном этапе семейных отношений выбор схожего по характеристикам партнера подтверждает модель образования семьи, направленной на единство интересов, представлений, образов жизни.

Важно, что отмечается определенная взаимозамещаемость вступающих в брак по доходам, особенно с учетом разницы в возрасте между мужчиной и женщиной. Чем больше разница в возрасте в пользу мужчины, тем более значительны различия в доходах. Можно предположить, что на брачном рынке существует тенденция «покупки» более молодых женщин с меньшим доходом мужчинами в возрасте с большим доходом.

Напротив, преимущество женщин в доходах над супругами повышает вероятность развода, что может быть обусловлено как меньшими рисками для женщины в случае развода, так и культурными причинами – нарушением традиционной гендерной мужской роли «добытчика».

Важно также, что статус занятости оказывает различное влияние на брачные возможности мужчин и женщин. Статус безработного и экономически неактивного снижает вероятность для мужчины вступить в брак, что может свидетельствовать как о его меньшей готовности образовать семью в условиях отсутствия стабильного дохода, так и о том, что экономически несостоятельный мужчина является менее предпочтительным партнером для заключения брака. Для женщин же наоборот – статус безработного не оказывает существенного влияния, а статус экономической неактивности даже повышает шансы вступить в брак. Это может быть обусловлено возможностью уделить больше времени поиску брачного партнера, а также формированием мотивации на вступление в брак в отсутствие альтернативных мотиваций, связанных с трудовой деятельностью.

Литература

- Арутюнян Ю.В., Дробизжева Л.М., Сукоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Баскакова М.Е. Образование в России: гендерная асимметрия развития и эффективности инвестиций // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: МОТ, 2003.
- Беккер Г. Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТООТК «Петрополис», 1998.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? М.: РОССПЭН, 2002.
- Демоскоп Weekly (а). 40 промышленно развитых стран мира. <http://demoscope.ru/weekly/app/app4081.php>
- Демоскоп Weekly (б). 40 промышленно развитых стран мира. <http://demoscope.ru/weekly/app/app4019.php>
- Демоскоп Weekly (в). 40 промышленно развитых стран мира. <http://demoscope.ru/weekly/app/app40di.php>
- Зидер Р. Социальная история семьи в западной и центральной Европе (конец XVIII – XX вв.). М.: Владос, 1997.
- Иванов С. Новое лицо брака в развитых странах // Население и общество. Информационный бюллетень. Июнь 2002. № 63. Интернет-ресурс: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps63.pdf>
- Поллак Р. Транзакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // THESIS. 1994. Вып. 6.
- Роцин С.Ю., Горелкина О.А. Гендерные различия в заработной плате: микроэкономический анализ факторов и тенденций // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Роцин С.Ю., Зубаревич Н.В. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия (Gender equality and extension of women rights in Russia in the context of the UN Millenium Development Goals). Доклад. Бюро Постоянного координатора Системы ООН в РФ, ПРООН, ЮНФПА, Бюро ЮНЕСКО, ЮНИФЕМ, 2005.
- Роцина Я.М., Роцин С.Ю. Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха. Принт WP4/2006/04. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

- Соловьева И.Ю. Проблема до-семейных отношений в западных научных исследованиях // Профессиональное педагогическое образование: личностный подход: Сборник научных трудов. Вып. 2. / Под ред. В.И. Лещинского, Е.Е. Седовой, Т.Е. Стародубцевой. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2003.
- Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен. Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984.
- Юнг К.Г. Брак как психологическое взаимоотношение // Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. М.; СПб.: Университетская книга; АСТ, 1997.
- Becker G. A Theory of Social Interaction // Journal of Political Economy. 1974. № 82.
- Becker G. A Theory of Marriage // Economics of the Family. Marriage, Children and Human Capital / Ed. by Th.W. Schultz. The University of Chicago Press, 1974.
- Becker G.S., Landes E.M., Michael R.T. An Economic Analysis of Marital Instability // Journal of Political Economy. December, 1977.
- Bergstrom T.C. A Survey of Theories of the Family // Handbook of Population and Family Economics / Ed. by M. Rosenzweig, O. Stark. 1997. Vol. 1.
- Boulier B.L., Rosenzweig M.R. Schooling, Search and Spouse Selection: Testing Economic Theories of Marriage and Household Behavior // The Journal of Political Economy. Aug. 1984. Vol. 92. № 4.
- Commins W. The Marriage – Age of Oldest Sons // Journal of Social Psychology. 1932. Vol. 3.
- Freiden A. U.S. Marriage Market // Economics of the Family. Marriage, Children and Human Capital / Ed. by Th.W. Schultz. The University of Chicago Press, 1974.
- Freud S. The Ego and the Id. L.: Hogarth, 1923.
- Fu H., Goldman N. Incorporating Health into Models of Marriage Choice: Demographic and Sociological Perspectives // Journal of Marriage and the Family. August 1996. Vol. 58. № 3.
- Jung G. Psychology and Alchemy. L., 1953.
- Kalminov M. Assortative Mating by Cultural and Economic Occupational Status // American Journal of Sociology. 1995. Vol. 100. № 2.
- Kerckhoff A., Davis K. Value Consensus and Need Complementary in Mate Selection // American Sociological Review. 1962. Vol. 27.
- Lidz T. Family Organization and Personality Structure. Illinois: Free Press, 1960.
- Mortensen D.T. Matching: Finding a Partner for Life or Otherwise // The American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure, 1988.
- Murstein B. Stimulus-Value-Role: A Theory of Marital Choice // Journal of Marriage and the Family. 1970. Vol. 32.
- Shapley L., Shubik M. The Assignment Game I: the Core // International Journal of Game Theory. 1972. № 1.
- Schoen R., Wooldredge J. Marriage Choice in North Carolina and Virginia, 1969–1971 and 1979–1987 // Journal of Marriage and the Family. May 1989. Vol. 51. № 2.
- Weiss Y. The Formation and Dissolution of Families: Why Marry? Who Marries Whom? And What Happens Upon Divorce // Handbook of Population and Family Economics / Ed. by M. Rosenzweig, O. Stark. 1997. Vol. 1.
- Winch R. The Theory of Complementary Needs in Mate Selection // American Sociological Review. 1955. Vol. 20.

Приложение

Таблица П1. Модель (probit) вероятности вступления в брак в следующем раунде
(мужчины и женщины, 16–50 лет)¹

	Мужчины		Женщины	
	Коэффициент	Значимость	Коэффициент	Значимость
Возраст/10	0,165		0,364	
Квадрат возраста/100	-0,033		-0,077	**
Имеют высшее образование	0,012		-0,130	
Имеют среднее спец. образование	0,029		-0,026	
Военнослужащий	1,131	***		
Работает руководителем	0,608	***	-0,008	
Работает специалистом	-0,403	**	-0,040	
Учащийся	-0,481	***	-0,368	***
Имеет опыт работы	-0,040		0,401	***
Является безработным	-0,171	*	0,010	
Является экономически неактивным	-0,258	**	0,171	*
Логарифм собственных доходов	-0,002		-0,003	
Логарифм доходов остальных членов семьи	-0,040	***	-0,004	
Количество человек в семье	0,040	*	0,037	*
Самооценка здоровья	-0,066		0,036	
Рост	0,013	***	0,000	
Избыточный вес (вес/рост-100)	0,771	***	0,113	
Курит	0,180	**	0,125	**
Употребляет алкоголь	0,076		0,086	*
Кол-во своих детей	0,295	***	0,012	
Разведен(а)	0,362	***	0,132	*
Вдов(а)	-0,327		-0,286	**
Удовлетворенность жизнью в целом	-0,074	**	-0,024	
Украинцы, белорусы, молдаване (база – русские)	0,129		0,053	
Народы Северного Кавказа	0,128		-0,436	**
Малые народы	-0,221		-0,224	
Татары	0,298	*	-0,236	
Раунд 6 – 1995 (база – раунд 5)	-0,167		0,011	
Раунд 7 – 1996	0,403	***	0,355	***
Раунд 8 – 1998	0,297	**	0,202	**
Раунд 9 – 2000	-0,170		0,002	
Раунд 10 – 2001	-0,171		-0,125	
Раунд 11 – 2002	-0,173		-0,071	
Север, Северо-запад (база – Москва, Санкт-Петербург)	0,290	**	-0,044	
Волжский, Волго-Вятский	0,071		0,108	
Северный Кавказ	0,004		0,187	*
Урал	0,297	***	0,089	
Западная Сибирь	0,234	**	0,217	**
Дальний Восток	0,372	**	0,238	**
Областной центр	0,008		-0,107	
Город – не областной центр	0,057		-0,181	*
Село	0,099		-0,030	
Константа	-3,983	***	-1,995	***
Кол-во наблюдений	3219		4671	
Prob > chi2	0,00		0,00	
Pseudo R2	0,155		0,060	

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

¹ Во всех моделях значимость коэффициентов: *** – 1%, ** – 5%, * – 10%.

Таблица П2. Модель (МНК) детерминант возраста вступления в брак

	Все		Впервые вступившие			
			Мужчины		Женщины	
Имеют высшее образование	0,098		-0,060	*	0,158	
Имеют среднее проф. образование	-0,159	**	-0,141		0,093	
Мужской пол	0,381	**				
Учащийся	-1,235	**	-0,854	**	-0,737	**
Безработный	0,136	*	0,182		0,079	
Является экономически неактивным	0,844	**	0,548	*	0,527	**
Логарифм собственных доходов	0,048	**	0,030	*	0,050	**
Логарифм доходов остальных членов семьи	-0,043	**	-0,053	**	-0,057	**
Количество человек в семье	-0,040	*	-0,053		-0,089	**
Самооценка здоровья	-0,375	**	-0,306	**	-0,305	**
Курит	-0,369	**	-0,223	*	-0,209	*
Употребляет алкоголь	-0,036		0,124		-0,014	
Кол-во своих детей	-0,230	**	0,395	**	0,140	*
Разведен(а)	1,117	**				
Вдов(а)	2,140	**				
Украинцы, белорусы, молдаване (база – русские)	0,273		1,100		0,283	
Народы Северного Кавказа	-0,198		-0,453		0,797	*
Малые народы	0,085		-0,312	*	-0,004	
Татары	0,216		0,008		-0,062	
Удовлетворенность жизнью в целом	-0,075	**	-0,101	*	-0,060	*
Раунд 6 – 1995 (база – раунд 12)	-0,023		-0,096		0,010	
Раунд 7 – 1996	-0,341	**	-0,501	*	-0,352	*
Раунд 8 – 1998	-0,542	**	-0,701	*	-0,461	*
Раунд 9 – 2000	-0,297	**	-0,384		-0,374	*
Раунд 10 – 2001	-0,280	*	-0,318		-0,333	*
Раунд 11 – 2002	-0,154		0,954		-0,415	
Уровень безработицы в регионе	0,003		0,014		0,000	
Уровень брачности в регионе	-0,002		-0,019		0,000	
Логарифм средней зарплаты в регионе	-0,101		-0,273	*	-0,020	
Север, Северо-запад (база – Москва, Санкт-Петербург)	0,051		-0,036		-0,070	
Волжский, Волго-Вятский	-0,010		-0,090		0,042	
Северный Кавказ	-0,188		-0,278		-0,337	*
Урал	0,077		-0,079		0,072	
Западная Сибирь	-0,021		-0,028		-0,089	
Дальний Восток	0,056		-0,138		-0,247	
Областной центр	-0,232	*	-0,107		-0,063	
Город	-0,222	*	-0,076		0,060	
Село	-0,096		0,008		0,107	
Константа	5,500	**	6,908	**	4,537	**
Кол-во наблюдений	1367		290		412	
Prob > F	0,000		0,000		0,000	
R2	0,659		0,788		0,766	

Источник: расчеты авторов, РМЭЗ, 1994–2003 гг.

Таблица ПЗ. Модель (probit) вероятности развода в раунде $T + 1$
(8–11 раунды, женщины 18–50 лет, состоявшие в браке в раунде T)

	Все женщины		Зарегистрирован- ный брак		Незарегистрирован- ный брак	
Возраст/10	-0,212	***	-0,389	***	0,008	
Возраст супругов примерно одинаков	-0,289	**	-0,238		-0,239	
Супруг(а) старше респондента	-0,173		-0,085		-0,222	
Национальности супругов одинаковы	0,168		0,076		0,272	
Татары	0,120		0,235		-0,117	
Северокавказские национальности	-0,353		-0,337		(***)	
Имеет высшее образование, а супруг(а) – нет	0,252	**	0,179		0,371	
Логарифм индивид. доходов	0,003		0,026		-0,035	
Доходы супругов примерно равны	-0,050		0,005		-0,111	
У супруга(и) доход больше	-0,241	**	-0,176		-0,407	**
Удовлетворенность жизнью в целом	-0,086	**	-0,105	*	-0,081	
Работает	0,278	**	0,473	**	0,036	
У супругов разные статусы занятости	0,156		0,303	*	0,032	
Рост	-0,004		-0,006		-0,011	
Избыточный вес (вес/рост-100)	-0,378	*	-0,305		-0,709	*
Самооценка здоровья	0,122		0,156		0,034	
У супруга(и) здоровье лучше	0,178	*	0,227	*	-0,012	
Курит	0,199	*	0,279	*	0,075	
У супруга(и) другой статус курения	0,050		0,030		0,056	
Употреблял(а) алкогольные напитки	0,049		-0,004		0,216	
У супруга(и) другой статус употребления алкоголя	0,077		0,133		0,007	
Кол-во своих детей	0,049		-0,018		0,158	
Лог. доходов остальных членов семьи	0,002		0,001		0,001	
Семья имеет подсобное хозяйство	-0,171	*	-0,285	**	0,082	
Кол-во взрослых членов семьи	0,002		0,070		-0,118	
Кол-во кв. метров общ. площади на человека	-0,011		-0,003		-0,030	**
Кол-во бытовых условий	0,023		0,079	**	-0,016	
Кол-во товаров длительного пользования	-0,045		-0,012		-0,124	**
Раунд 9 – 2000	-0,230	**	-0,245	*	-0,218	
Раунд 10 – 2001	-0,292	**	-0,231		-0,397	*
Раунд 11 – 2002	-0,259	**	-0,285	*	-0,229	

Окончание табл. ПЗ

	Все женщины		Зарегистрирован- ный брак		Незарегистрирован- ный брак	
Север, Северо-запад (база – Москва, Санкт-Петербург)	0,096		0,324		–0,377	
Волжский, Волго-Вятский	0,242	*	0,426	**	–0,072	
Северный Кавказ	0,206		0,434	**	–0,256	
Урал	–0,177		–0,065		–0,351	
Западная Сибирь	0,067		–0,025		–0,145	
Дальний Восток	0,226		0,417		–0,082	
Областной центр	–0,040		–0,238		0,296	
Город	0,033		–0,228		0,422	
Село	0,030		–0,118		0,302	
Брак не зарегистрирован	0,747	***	–		–	
Константа	–0,405		–0,406		2,330	
Кол-во наблюдений	5310		4559		747	
Prob > chi2	0,0000		0,0000		0,0165	
Pseudo R2	0,1653		0,1529		0,1235	

(***) – предсказывает 100%-ю вероятность сохранения брака.

Таблица П4. Модель (probit) вероятности развода в раунде $T + 1$
(8–11 раунды, мужчины 18–50 лет, состоявшие в браке в раунде T)

	Все мужчины		Зарегистри- рованный брак		Незарегис- трирован- ный брак	
Возраст/10	-0,256	***	-0,443	***	-0,017	
Возраст супругов примерно одинаков	-0,258	***	-0,365	***	-0,010	
Супруг(а) старше респондента	-0,117		-0,157		0,046	
Национальности супругов одинаковы	0,076		-0,044		0,321	
Татары	-0,598		-0,530		(***)	
Северокавказские национальности	(***)		(***)		(***)	
Имеет высшее образование, а супруг(а) – нет	0,046		-0,277		0,604	*
Логарифм индивид. доходов	0,024		0,003		0,071	*
Доходы супругов примерно равны	0,122		0,046		0,131	
У супруга(и) доход больше	0,222	*	0,183		0,222	
Удовлетворенность жизнью в целом	0,009		0,009		0,001	
Работает	-0,326	**	-0,400	**	-0,389	
У супругов разные статусы занятости	-0,019		-0,085		0,031	
Рост	-0,002		-0,004		0,001	
Избыточный вес (вес/рост-100)	-0,579	*	-0,630		-0,685	
Самооценка здоровья	-0,059		-0,116		-0,010	
У супруга(и) здоровье лучше	0,205		0,120		0,387	
Курит	0,123		0,053		0,358	
У супруга(и) другой статус курения	0,042		0,015		0,086	
Употреблял(а) алкогольные напитки	0,005		0,120		-0,128	
У супруга(и) другой статус употребления алкоголя	0,056		0,135		-0,071	
Кол-во своих детей	0,009		-0,063		0,142	
Логарифм доходов остальных членов семьи	-0,009		-0,012		-0,020	
Семья имеет подсобное хозяйство	-0,126		-0,184		-0,030	
Кол-во взрослых членов семьи	-0,001		0,050		-0,031	
Кол-во кв. м общ. площади на человека	-0,005		-0,002		-0,010	
Кол-во бытовых условий	0,024		0,072	*	-0,048	
Кол-во товаров длительного пользования	-0,013		-0,017		0,023	
Раунд 9 – 2000	-0,309	**	-0,307	**	-0,293	
Раунд 10 – 2001	-0,293	**	-0,265	*	-0,296	
Раунд 11 – 2002	-0,408	***	-0,457	***	-0,303	
Север, Северо-запад (база – Москва, Санкт-Петербург)	-0,011		0,182		-0,300	
Волжский, Волго-Вятский	0,266	*	0,472	***	0,058	
Северный Кавказ	0,207		0,506	**	-0,288	
Урал	0,069		0,247		-0,182	
Западная Сибирь	-0,041		0,026		-0,367	
Дальний Восток	-0,025		0,131		-0,162	
Областной центр	-0,098		-0,371		0,149	
Город	-0,117		-0,486	*	0,314	
Село	0,001		-0,389		0,539	
Брак не зарегистрирован	0,590	***				
Константа	0,122		1,763		-1,411	
Кол-во наблюдений	4678		4008		652	
Prob > chi2	0,0000		0,0000		0,6082	
Pseudo R2	0,1220		0,1379		0,1007	

(***) – предсказывает 100%-ю вероятность сохранения брака.

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Культ власти

ГАНС ВАН ЗОН

Культ власти в контексте социальных и экономических отношений в России

При анализе социальных практик, которые имеют отношение к экономической жизни (и отличают одну социальную группу от другой от региона к региону), необходимо различать ключевые элементы, оказывающие наибольшее воздействие на другие элементы сложной системы социальных практик. Комплекс взаимосвязанных социальных практик, характерных для Советского Союза и современной России, был сгруппирован и назван (пост)советским психосоциальным синдромом (рис. 1)¹. Компоненты этого синдрома являются взаимодополняющими.

Очевидно, что в центре внимания находится вопрос о том, как обращаться с властью. Утверждается, что автократическое наследие России превратило проявления абсолютистской власти и, как следствие, ее злоупотребление в ключевые проблемы повседневной жизни. Культ власти, или преклонение перед абсолютизмом, позволяет лучше понять суть социальных практик (см. рис. 1).

В случае с Россией специфическая природа проявлений власти конституирует главное препятствие для социального и экономического развития. С крахом коммунизма и плановой экономики борьба за власть стала еще большей проблемой экономического развития, несмотря на то что ее сущность претерпела фундаментальные изменения.

Последние препятствия на пути к разворовыванию национального богатства некоторыми представителями бывшей номенклатуры и криминальными элементами были устранены с развалом коммунистической партии. Парадоксально, что коммунистическая партия не только выполнила роль передаточного механизма для советских руководителей, но и содействовала достижению более высокого уровня социальной сплоченности и разрешаемости конфликтов на локальном уровне.

¹ Гипотеза (пост)советского психосоциального синдрома может рассматриваться в качестве идеального типа, который позволяет глубже понять историческую зависимость России. Однако с помощью него нельзя объяснить процесс трансформации. Кроме того, большая часть компонент синдрома не поддается эмпирическому расчету. (Пост)советский психосоциальный синдром обретает смысл только в контексте особых социальных практик. Понятие «социальная практика» включает в себя формы отношений и поведения исключительно в социальном контексте.

Рис. 1. Россия: культ власти и сопутствующие социальные практики

С ее помощью осуществлялись координация централизованно управляемой экономики на региональном уровне и выстраивание дисциплины на предприятиях.

Упразднение партийного государства означало разрушение последнего барьера для хищнической элиты, настроенной на то, чтобы обогатиться за счет общества и установить собственный порядок. Благодаря этому также был уничтожен главный механизм разрешения конфликтов и поддержания сплоченности. Возник институциональный (формальный) вакуум, в условиях которого главным источником для скорого обогащения и обретения власти стали наглость и беспринципность. В сложившейся ситуации прежде всего неформальные институты определяли поведение экономических агентов и функционирование вновь возникающих формальных институтов.

Несмотря на радикальность изменений, произошедших в результате развала партийного государства в 1988–1991 гг., новая социально-экономическая формация была органичным продолжением предыдущей. Россия «не писалась с чистого листа» с наступлением 1991 г., произошла лишь определенная перестановка элементов в структуре унаследованной экономики и общества. Возникло ощущение, что сила, некогда сокрытая под оболочкой партийного государства, с его разрушением выбралась наружу и установила свой порядок в обществе.

Дезинтеграция и упадок коммунистической системы обычно анализировались с макроэкономических и макрополитических позиций, в то время как социологические аспекты произошедших изменений обходились стороной.

1990-е годы характеризовались упрочением новой элиты на всех уровнях. В то же время рассеивание власти на высшем уровне создало угрозу распада. Непродуманная трансформация в России привела к формированию виртуального инсти-

туционального ландшафта, в котором формальные институты часто выполняли роль, противоположную их реальному назначению.

Так, например, случилось с банками, законом о банкротстве² и ваучерной приватизацией. Вместо власти закона преобладающим явлением стал правовой нигилизм, столь традиционный для России. Вместо роста доверия в экономических отношениях в 1990-х годах наибольшее распространение получили обман и мошенничество, что в результате снижало стране репутацию одной из самых ненадежных в мире. Неформальные институты, т. е. укорененные социальные практики, определяли формирование новой России в большей степени, чем попытки институционального вмешательства государства.

Неолибералы предполагали, что со снятием всех ограничений (демонтаж партийного государства и плановой экономики) рынок сформируется самостоятельно.

Ключевое институциональное ограничение для любых экономических реформ в переходный период заключалось в природе властных отношений в России. Культ власти оказался главным препятствием на пути реформ. Несмотря на то что властные структуры трансформировались в процессе перехода, природа этих отношений почти не изменилась³.

Российский неопатримониализм и культ власти

Особенности российского неопатримониализма в том виде, в котором они закрепились при президенте Путине, сводятся к ключевой роли власти (табл. 1).

Среди прочего для российского неопатримониализма характерны отсутствие долгосрочного планирования, чрезвычайно высокая доля валовой прибыли в ВВП и отсутствие стимулов к осуществлению долгосрочных инвестиций.

Большая часть вышеупомянутых особенностей российского неопатримониализма напрямую связана с культом власти, что позволяет объяснить правовой нигилизм, избегание прозрачных процедур, персонификацию власти и глубоко укорененную коррумпированность. Кроме того, упомянутые особенности взаимосвязаны и образуют органичную целостность. Новый российский капитализм функционирует в контексте этого неопатримониализма⁴.

Российское общество в период правления Путина можно охарактеризовать как государство с фрагментированным суверенитетом. Фактически власть в России во многом еще остается неконцентрированной, хотя и в меньшей степени, чем в период президентства Ельцина. Помимо региональных и муниципальных центров власти существуют еще и олигархи, которые контролируют целые сектора

² Закон о банкротстве 1998 г. наделил местных чиновников большей властью по отношению к предприятиям и позволил не просто увеличить собираемость налогов, но и попросту их захватывать (см. [Волков 2005, с. 327]).

³ Вследствие того что поведение плохо поддается изучению в лабораторных условиях или на основе материалов опросов (его можно исследовать только методом наблюдения в реальной жизни), властные отношения пока еще изучены мало.

⁴ Для неопатримониального государства характерно взаимопроникновение патримониальных и рациональных бюрократических практик, однако доминирующей составляющей является все же патримониальная логика.

Таблица 1. Особенности российского неопатримониализма

Государство	Государство	<p>Преобладающая роль государства над экономикой и обществом, сверхдержавное государство с точки зрения граждан и предпрятий</p> <p>Неэффективное и слабое государство, не способное обеспечить выполнение обещаний</p> <p>Рассеивание власти в пределах государства</p> <p>Отсутствие власти закона, правило исключений, непрозрачность законов, управление посредством приказов и распоряжений. Отсутствие разграничения властей</p> <p>Паразитическое государство, хищническое государство</p> <p>Захват государства бизнес-олигархией, препятствующей возникновению эволюционирующего государства</p> <p>Секретные службы являются ключевым инструментом поддержания сплоченности элит (среди прочего, посредством шантажа)</p>
	Роль бюрократии	<p>Общество служит «слугам народа» (система кормления)</p> <p>Независимая политическая сила</p> <p>Бюрократический полуфеодализм</p> <p>Отсутствие разграничения компетенций</p> <p>Мания контроля</p> <p>Слияние бюрократических и криминальных сетей</p> <p>Коррупцированные чиновники устанавливают барьеры для новых субъектов предпринимательской деятельности</p>
	Роль государства	<p>Государство выполняет роль «пожарной бригады».</p> <p>Тенденция к импровизации</p> <p>Командование и контроль в кризисных ситуациях</p> <p>Управление в условиях неопределенности</p>
	Политика	<p>Глубокий разрыв между государством и обществом. Государство не действует в интересах общества</p> <p>Отсутствие культуры компромиссов и развитого чувства сложности социально-политических процессов</p> <p>Маргинальная роль парламента, хотя и представляющего важность для олигархов</p> <p>Возникновение сильной «партии власти»</p> <p>Возникновение корпоративистских институтов</p>
Экономика		<p>Незащищенность прав собственности</p> <p>Преобладание олигополий/монополий над конкуренцией</p> <p>Ничтожность сектора малых предприятий</p> <p>Низкий уровень организационного капитала</p> <p>Динамика центр – периферия</p> <p>Масштабная теневая экономика</p>
Общество		<p>Атомизированное общество</p> <p>Высокий уровень неравенства</p> <p>Слабость институтов, способствующих решению конфликтов и созданию ценностей</p>

экономики, в особенности наиболее прибыльные. Таким образом они покупают себе политическое влияние.

В России сформировались неопатримониальное государство и общество, в котором образовалась тесная связь между общепринятыми социальными практиками и принципами функционирования политической, экономической и социальной системы. Политическая власть примитивна по своей сущности и с легкостью конвертируется в богатство. Однако, как показывает новейшая российская история, обратная связь стала еще более сложной. Обогащение олигархов напрямую зависит от их лояльности государству и власти.

Для современной России также характерен многослойный административный аппарат с многочисленными ветвями власти. Он производит на свет огромное количество законов и прочих квазизаконных актов, которые практически ни с кем не согласовываются, а зачастую даже и не публикуются. Многие распоряжения и приказы настолько противоречат сами себе, что нередко их трактовка не является однозначной. Рассеивание ответственности и власти в итоге делает систему государственного управления слабой и неэффективной⁵.

При всей неповоротливости и неуклюжести огромного бюрократического аппарата ни в коем случае нельзя недооценивать его влияния на политические процессы в обществе. Российское чиновничество можно рассматривать как «суверенную бюрократию». В неопатримониальном государстве оно не только превратилось в независимую политическую силу и укрепило свои позиции в процессе осуществления постсоветской трансформации, но и увеличилось численно⁶. Кроме того, обладая монополией на законотворчество, чиновники могут позволить себе действовать в обход собственных же законов. Преобладание распоряжений над законами и многочисленные исключения из общих правил стали привычным делом в повседневной практике.

Персонифицированный и патримониальный характер государства во многом сказывается и на его экономике. Очевидным становится интерес государства к противодействию институционализации правил, которые ограничивают его политическую власть и источники обогащения. В патримониальном государстве основная функция закона заключается не в обеспечении справедливости, а в поддержании порядка. Судебные органы, как правило, являются неотъемлемой частью бюрократии и подчиняются Кремлю (региональным или муниципальным авторитетам). Государство становится вне закона.

Доминирование государства во всех сферах общественной жизни и неприкосновенность чиновничества, ставшие привычными за годы правления Ельцина и

⁵ Показателен факт, что 20–30% приказов президента никогда не претворялись в жизнь. Цена взятки, способной отложить закон о налогах, который приносил бы государству около 50 млн долл. в год, составляет порядка 5 млн долл. [Аргументы и факты 26 октября 2005].

⁶ В России численность административного аппарата существенно увеличилась: с 660 тыс. во времена СССР до 1,3 млн в 2005 г. [Там же]. При реальном переходе от плановой экономики к рыночной следовало бы ожидать обратного эффекта!

Путина, можно условно охарактеризовать как бюрократическую форму полуфеодализма⁷.

В России так и не было создано государства, способного отвечать интересам общества и обеспечивать эволюционное развитие политических и институциональных структур. Сохраняющуюся дистанцию между государством и обществом можно рассматривать в качестве основной причины провала модернизации.

Россия с точки зрения опыта западных обществ

При оценке тяжелой ситуации, в которой оказалась Россия, с точки зрения того, что предопределило успех развитых рыночных экономик, природа властных отношений вновь проявляется в качестве ключевого фактора.

Экономическая трансформация развитых западных обществ может быть рассмотрена в контексте развития потенциала решения проблем. За время деспотического режима Россия привыкла мириться с проблемами, вместо того чтобы искать пути их решения. Внутри нее механизмы решения проблем и конфликтов остаются непроработанными, тогда как в развитых странах давно стали привычными поиск эффективных решений и социальный инжиниринг. В этих обществах помимо важного рыночного сектора (автономная экономическая система) всегда существовали сильное государство, обеспечивающее «власть закона», и поддерживающее его сильное общество.

Проблема России заключается в том, что в каждой из ключевых сфер имеют место глубокие и довольно значимые дефекты: на пороге краха стоит не только рыночная экономика, но и вся иерархия общества с существующими в ней сетями⁸.

⁷ Патримониализм и феодализм являются различными социально-экономическими формациями. Тем не менее российский неопатримониализм можно рассматривать в качестве гибридной формации, в которой патримониальная логика является доминирующей, несмотря на наличие элементов феодализма, рациональности и законности.

⁸ Возможно, что этот прогноз кому-то покажется излишне пессимистическим. Ведь в России с 2000 г. наблюдается устойчивый экономический рост! Однако этот рост во многом был обеспечен за счет быстрорастущего экспорта при одновременном сокращении импорта вследствие ослабления рубля, позднее подкрепленного растущим потребительским спросом. Российский торговый экспорт в период с 2000 по 2004 г. вырос со 105 млрд долл. до 182 млрд долл. [World Bank database]. Нефть, газ, металлы, химическая продукция и лес составили порядка 85,4% российского экспорта (2005 г.), в то время как экспорт высокотехнологичных товаров составил лишь 9% от всей стоимости экспорта (2004 г., при 14% в 2000 г.). В 2001–2004 гг. природные ресурсы обеспечивали треть роста ВВП и 70% роста в промышленном выпуске [Ahrend 2006, p. 1–24]. Тем не менее в 2004 г. производство промышленных товаров все еще оставалось на уровне 29% по сравнению с уровнем 1989 г., тогда как реальный ВВП был на 17,5% ниже уровня 1989 г. [Economic Survey of Europe 2005]. В 2004 г. объем выпуска в легкой промышленности составил 15,6% от уровня 1991 г., производство строительных материалов – 45%, станкостроение – 69%, нефтепромышленность – 98,4%, черная металлургия – 89% и цветная – 91%. В 2004 г. в России было произведено 32 самолета и 95 вертолетов, тогда как в 1984 г. 500 и 300 соответственно. При объеме инвестиций в 18% ВВП Россия обладает небольшими перспективами по сравнению с остальным миром. Однако проблема заключается не только в недостатке капитала. Как и в 1990-е годы, отток капитала довольно высок, тогда как прямые иностранные инвестиции в 2006 г. существенно выросли по сравнению с 2005 г. (с 14,6 млрд до 30 млрд долл.). В 2005 г. российские граждане инвестировали 120 млрд долл. в недвижимость за рубежом (в 2000 г. – 20 млрд долл.) по сравнению с 20 млрд в 2000 г. [Аргументы и факты 18 апреля 2007]. Приведенные выше факты свидетельствуют о наличии серьезных экономических проблем, несмотря на впечатляющий экономический рост в последние годы.

Главная причина — изолированность общества. В силу этого попросту отсутствуют какие-либо возможности для ограничения и без того безграничной власти руководства практически на всех уровнях посредством введения практики прозрачных процедур в разрешении конфликтов. На Западе механизмы решения конфликтов были главным фактором, способствовавшим социальному и экономическому прогрессу⁹.

В условиях развитого капитализма популярной становится новая социотехнологическая и организационная парадигма, для которой характерным является плюрализм в управлении и организации. В России формирование такой парадигмы осложняется общим недостатком доверия, дефицитом сотрудничества между предприятиями и организациями и негативным отношением государства к некоммерческим общественным организациям. Складывается ощущение, что Россия движется совершенно в обратном направлении.

Формирование социальных сетей в России заметно отличается от процесса образования «сетевых обществ» в капиталистическом мире. Отличие состоит не просто в отсутствии или наличии этого явления, а в его сущностном характере. В России социальный капитал имеет несовременные формы и совершенно не способствует общему развитию¹⁰. Особенность российского общества заключается в том, что доисторические формы капитала преобладают над организационным капиталом, тогда как преобладание последнего является ключевым для успешных экономик¹¹. Нехватка законов, определяющих социальные отношения и отношения между институтами, препятствующая сотрудничеству во всех сферах, является одной из главных преград на пути к социальному и экономическому развитию страны.

Сети, как правило, имеют локализованный и достаточно закрытый характер, благодаря чему деловые транзакции становятся более предсказуемыми. При этом стороннему участнику крайне сложно включиться в эти сети, поскольку главным условием их функционирования является принятие внутригрупповой морали (этикета, принципов). Межгрупповые (межсетевые) транзакции представляют большую сложность. Цель сетей, среди прочего, состоит в ограничении доступа для аутсайдеров. Россию можно рассматривать в качестве сложного комплекса локальных экономических сетей (бизнес-групп) с локализованными и персонифицированными отношениями. Зачастую чиновник играет ключевую роль в этих отношениях, поскольку открывает двери к сотрудничеству с государством посредством «решения проблемы с властью в индивидуальном порядке» [Oleinik 2005, p. 186].

Во всех успешных экономиках как рынки, так и конкуренция встроены в кооперационные сети, которые выступают в роли механизмов снижения неопределенности и амортизатора нестабильности. Нехватка горизонтального сотрудничества

⁹ Н. Сахаров очень хорошо описывает, как механизмы, способствовавшие разрешению конфликтов, также способствовали социальному прогрессу на Западе [Сахаров 2006, с. 68].

¹⁰ Определение социального капитала дает Патнэм [Putnam 1993, p. 35]: «...особенности социальной жизни, сети, нормы и доверие, которые способствуют взаимной выгоде».

¹¹ Организационный капитал представляет собой сумму организаций общества, которые являются официально зарегистрированными, признаваемыми государством, законопослушными, бюрократическими и управляемыми в соответствии с иерархией.

и закрытый характер сетей в России препятствуют внедрению и диффузии инноваций. Это связано с недостатком доверия в обществе, характерным для России на протяжении всей ее истории. Согласно Виньски (Winiński), доверие представляет собой одну из фундаментальных традиций гражданского общества, выражающуюся в способности и желании граждан организовываться для достижения общих целей [Winiński 2004].

Для России типичны нехватка организационной дифференциации, демаркация компетенций и границ как между, так и в пределах организаций, характерных для западных экономик. Данный недостаток горизонтальной дифференциации обусловлен намеренным уходом от прозрачности экономических процедур. Для России характерно преобладание нравов над законами, равно как и презрение к рациональности формальных правил.

Успех наиболее развитых экономик заключается не в неограниченной свободе рынка, а в институтах, обеспечивающих конкуренцию и сотрудничество. В пределах фирмы кооперация достигается за счет сплоченности и организационной культуры. В эволюционирующей экономике характер сотрудничества, возникающего внутри организаций, также предопределяет характер сотрудничества между различными фирмами. По мнению Ходжсона (Hodgson), «капитализму удалось выжить благодаря тому, что он способствовал развитию (по-разному и с разной степенью успеха) ликвидности частной собственности и стимулов для ее эффективного обмена в обществах, различных по степени своей сплоченности и моральным обязательствам, обеспечивающим функционирование системы контрактов в сложной среде». С этой точки зрения российская экономика испытывает дефицит сотрудничества и доверия, что усложняет накопление организационного капитала, которое происходит не только в результате передачи некоторых специфических знаний, но и неявного опыта [Hodgson 1999, p. 68].

Россия с точки зрения патримониальных обществ

Для полноты анализа важно также рассмотреть опыт успешных неопатримониальных обществ.

Успех большинства патримониальных обществ был обеспечен благодаря активному использованию достоинств авторитарного режима. Тем не менее складывается ощущение, что ключевые предпосылки, обеспечившие успех рассматриваемых обществ, попросту отсутствуют либо являются слабо развитыми в современной России. П. Эванс (Evans) показал, что для осуществления успешной модернизации необходимо, чтобы государственные институты обеспечивали сотрудничество между бюрократией и обществом. Кроме того, государство и чиновничий аппарат должны обладать некоторой долей автономии, а политические элиты — здравым смыслом при выработке целей и осуществления руководства. Роль государства заключается в обеспечении стабильности и доверия, в создании необходимой для развития и управления инфраструктуры [Evans 1995].

В России, по крайней мере в 1990-е годы, можно было наблюдать прямое способствование государства собственной же деградации. В процессе создания

рыночной экономики страна остро нуждалась не в полном невмешательстве государства, а, наоборот, в его содействии и руководящей роли. На практике позиция невмешательства способствовала поиску ренты в условиях нестабильной социально-экономической обстановки и неразвитого рынка капитала, без которого невозможно обеспечить эффективное распределение ресурсов¹². Неуправляемая законом экономика сопряжена с высокой степенью неопределенности, что приводит к ограничению временного горизонта при выработке экономических решений. Стать богатым становится легче, обеспечив себе хорошие взаимоотношения с коррумпированными чиновниками и политиками, в руках которых сосредоточено достаточно властных ресурсов, чтобы контролировать входы и выходы с рынка для новых участников, но которые не заинтересованы в развитии и инновациях. Кроме того, государство фактически стимулирует предпринимателей держать деньги на иностранных счетах, вместо того чтобы убеждать их инвестировать средства в экономику России. Не используя профицит бюджета на развитие разваливающейся инфраструктуры, государство просто складывает деньги в копилку. Более того, у правительства отсутствует внятная промышленная политика.

Страны со схожими культурными традициями и поведенческими практиками представляют собой интересный материал для сравнения (см. [van Zon 2000, 2005]). В ходе «оранжевой революции» на Украине актуализировались некоторые сильные и слабые черты российского неопатримониализма, сохранившегося в ее восточной части. Исторически эта часть страны была в большей степени подчинена Советскому Союзу, была более «русской» по своему этническому составу и более «советизированной». Накануне «оранжевой революции» (конец 2004 г.) Украина все больше склонялась к модели неконкурентного авторитаризма и моновластия. «Донецкий клан» (наиболее влиятельная группировка Восточной Украины) превратился в доминирующую политическую силу, и в результате многие стали опасаться, что российский патримониальный порядок будет установлен по всей стране. В то же время «оранжевая революция» обнаружила слабости этой модели. Позднее, когда после своего поражения В. Янукович вернулся в правительство, возглавив кабинет министров, мощь «донецкой модели» стала очевидной. Складывается ощущение, что «оранжевая революция» никак не поколебала позиции доминирующего неопатримониализма, при том что и сам политический режим в сущности изменился незначительно. В самом же Донецке патримониализм консолидировался на основе развития корпоративистской культуры. В национальном масштабе «донецкая модель» утвердилась в новом качестве и расширила свое влияние. Это наглядное свидетельство того, что неопатримониализм в российском варианте совершенно не обязательно обречен при попытке его свержения.

И в России, и на Украине власть, как правило, сосредоточена там, где, согласно конституции, ее быть не должно. Это характерно и для всего остального мира. Во многих восточно- и южноазиатских парламентских демократиях существует разделение между формой и содержанием власти. В большинстве случаев формальная структура власти на самом деле является фикцией. Таким образом, фиктивная

¹² По данным на 2005 г. кредиты, выданные внутри страны, составляют лишь 28% российского ВВП, тогда как в развитых рыночных экономиках они в среднем составляют 182% [World Bank].

демократия в большинстве постсоветских государств не представляет исключения. Можно было бы предположить, что в патримониальных обществах власть отчетливо проявляется при условии нормального функционирования государства. И тем не менее это не совсем так. Япония, хотя и осуществила быструю модернизацию, многое унаследовала от традиционного общества и является исключением из веберовской концепции модернизма. В Японии существует такая же «партия власти», как и в России, и эта партия так же использует административный ресурс для того, чтобы держаться у власти, кроме того, в ней также присутствуют «декоративные» партии.

Особенностью Японии является отсутствие отчетливого центра (точки концентрации) власти. При этом Япония остается политически стабильным государством на протяжении долгого времени. Власть в ней разделена между крупными предприятиями, чиновниками и правительством. Тем не менее, в отличие от России, в Японии существует консенсус между политической и деловой элитой в отношении того, какая политика нужна государству. Для этого в стране сформированы все необходимые механизмы. А традиционная для Японии «культура позора» поддерживает поведенческие практики, соответствующие неким социальным ожиданиям.

Если в отношении России и Украины складывается ощущение, что сильная власть в этих странах возможна только при условии ее концентрации в руках одного сильного руководителя, а разделение власти является проблематичным, то в Японии сильное руководство гарантировано институционализированными механизмами, поддерживающими согласие [*van Wolferen* 1989].

Согласно исследованию Всемирного банка (2006 г.) в Китае развивается впечатляющий комплекс неформальных институтов, поддерживающих такую же динамичную активность (предпринимательство, появление на рынке новых участников) и конкуренцию, которые свойственны инновационной экономике США. А тем временем в России все еще типичным явлением остается захват рынков ограниченным количеством участников, состоящих в тесных отношениях с региональными и муниципальными властями. Это создает большие трудности для развития здоровой конкуренции.

Для того чтобы в условиях отсутствия рыночных институтов сделать возможным динамичное развитие, необходимое для становления инновационной экономики, Китаю потребовалось уступить часть власти и автономии своим провинциям [World Bank 2006, p. 17]. В России децентрализация власти наоборот всячески пресекается.

В то время как в России бюрократический аппарат постепенно раздувался, Китаю удалось сократить численность чиновников¹³.

Если в Китае доля частного потребления в ВВП является довольно низкой (44% в 2003 г.) и сопоставима с Россией (49,1% в период с 1998 по 2005 г.), то доля

¹³ В Китае в период с 1996 по 2002 г. были отстранены от обязанностей 17 тыс. чиновников и еще 28626 подали в отставку. В итоге общее количество чиновников составило 5 млн человек при общей численности населения свыше 1,3 млрд [People's Daily 2003].

частного потребления и капитальных вложений в экономику в Китае намного выше, чем в России (86% в 2003 г. против 66,1%) [*Menshikov* 2005].

Сравнительный анализ показывает, что в отличие от России Китай прежде всего освободил рынки и лишь затем провел постепенную приватизацию [*Bhaumik, Estrin* 2005]. **Китайские предприятия, включая те, что находятся в собственности государства, оказались намного более чувствительными к рыночным сигналам, чем российские.** В Китае вхождение новых участников на рынок лишь приветствуется, в то время как в России ограничение входа на рынок является привычной практикой¹⁴. В целом в конце 1990-х годов эффективность предприятий в Китае в большей степени определялась экономическими факторами, тогда как в России доминировали специфические региональные факторы. В отличие от Китая российские рынки сильно фрагментированы по географическому и институциональному признакам. Кроме того, Китаю удалось осуществить децентрализацию управления, обеспечившую конкуренцию между региональными и муниципальными властями.

Опыт Китая подтверждает, что рыночных стимулов бывает достаточно для того, чтобы обеспечить определенный уровень эффективности предприятия без проведения одномоментной массовой приватизации. Ш. Бхаумик и С. Эстрин (*Bhaumik and Estrin*) [*Ibid*] **заключают, что ни «шоковая терапия», ни приватизация не являются** непременным условием успешной трансформации. В России слишком велик разрыв между обществом и государством. Согласно обследованию 2003–2005 гг. только 37% от числа опрошенных российских предпринимателей доверяют правительству против 82% в Китае [*Джанков и др.* 2007]. Согласно другим данным доля положительно ответивших на вопрос «можно ли доверять большинству людей?» в России составляет 37,9%, а в Китае – 64,3% [*Ясин* 2007, с. 68].

Создается впечатление, что в случае любого положительного сценария, при условии сохранения доминирующих сегодня в России социальных практик, государству необходимо сильное политическое лидерство как предпосылка постепенного перехода к экономике и обществу, управляемым с помощью закона. Государство играет важную роль в обеспечении доверия и определенности в социально-экономической жизни. Повысить уровень доверия в России можно только при условии реформирования государственного аппарата и честности чиновников. В принципе, это выполнимо, если в стране будет сформировано гражданское общество, способное эффективно противодействовать государству. В то же время нельзя забывать, что государство также должно внести свою лепту в обеспечение сплоченности общества.

В нынешней ситуации в условиях хищнического, ориентированного на ренту частного сектора, очень важно, чтобы государство обеспечивало развитие инфраструктуры при сохранении обязательств перед обществом в сфере образования, здравоохранения, а также защиту страны от разграбления, что подразумевает

¹⁴ В декабре 2000 г. в России была зарегистрирована 891 тыс. малых предприятий – меньше, чем в 1994 г. В Польше, с населением примерно в четверть российского, – 2 млн предприятий. В России на долю малых предприятий приходится 10% ВВП, тогда как на Западе примерно половина [*Goldman* 2003, р. 212]. Чтобы открыть свой бизнес в Москве, необходимо пройти около 50 формальных процедур, посетить от 20 до 30 инстанций и согласовать все примерно с 50–90 различными чиновниками [*Ibid*, р. 213].

определенные протекционистские меры и контроль за международными финансовыми сделками. Корпоративистская модель управления и развития, способная учитывать укорененные социальные практики, отношения и системы ценностей, а также предусматривающая постепенную их трансформацию, поможет России встать в один ряд с ведущими экономиками мира.

Перевод с англ. Г.А. Ястребова

Литература

- Аргументы и факты. 26 октября 2005. № 43.
Аргументы и факты. 18 апреля 2007. № 18.
Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
Джанков С., Кян Й., Роланд Ж., Журавская Е. Предпринимательство в Китае и России: сравнение: Доклад на VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие». 2007.
Сахаров Н.Л. Бизнес в России: специфика управления. М.; СПб.: Вершина, 2006.
Ясин Е.Г. Модернизация и общество: Доклад к VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие». М.: ГУ ВШЭ, 3–5 апреля 2007.
Ahrend R. Russia Post-Crisis Growth: Its Sources and Prospects for Continuation // *Europe-Asia Studies*. January 2006. Vol. 58.
Bhaumik S., Estrin S. How Transition Paths Differ: Enterprise Performance in Russia and China. Discussion Paper Series. IZA Bonn, 2005. № 1484.
Economic Survey of Europe. 2005. № 2.
Evans P. Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation. Princeton, NY: Princeton University Press, 1995.
Goldman M.I. Political Graft: The Russian Way // *Current History*. October 2005.
Hedlund S. Russian Path Dependency: a People with a Troubled History. L.: Routledge, 2005.
Hodgson G.M. Economics and Utopia. Why the Learning Economy is not the End of History. L.: Routledge, 1999.
Menshikov S. The Anatomy of Russian Capitalism // *Challenge*. March – April 2005.
Oleinik A.N. (ed.) The Institutional Economics of Russia's Transformation. Ashgate: Aldershot, 2005.
People's Daily. 16 December 2003.
Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press. NY: Princeton, 1993.
Winiiecki J. Determinants of Catching Up or Falling Behind: Interaction of Formal and Informal Institutions // *Post-Communist Economies*. June 2004. Vol. 16. № 2.
Wolferen K.G. van. Japan. De Onzichtbare Drijfveren van een Wereldmacht. Rainbow Pocketboeken, 1989.
World Bank. Russian Economic Report. December 2006. Интернет-ресурс: www.worldbank.org.ru
Zon H. van. The Political Economy of Independent Ukraine. UK: Palgrave MacMillan, 2000.
Zon H. van. Political Culture and Neo-Patrimonialism under Leonid Kuchma // *Problems of Post-Communism*. September – October 2005. Vol. 52. № 5.
Zon H. van. Russia's Development Problem – the Cult of Power. UK: Palgrave MacMillan, 2008 (forthcoming).